

1963

6

СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Год издания сороковой

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

МАРТ
1953

70 ДНЕЙ ОДНОГО ГОДА

Валерия ГОРДЕЕВА

Это случилось в Москве, в одном научно-исследовательском институте. Изучая влияние радиации на полимеры, младший научный сотрудник Татьяна Корнеева подверглась воздействию гамма-излучения. Доза была смертельной... Тому, что произошло дальше, и посвящен очерк.

По просьбе участников этих событий автор изменил их имена.

Татьяна Сергеевна Корнеева, молодой и, как говорили, в институте, «общающийся» физик. И уже не она...

Тяня взглянула на ребят. В застывших глазах Нади был явный, ничем не замаскированный ужас. Лицо Миши покрылось сероватой бледностью.

Тяня села за стол и начала писать. Бумага быстро покрывалась четкими колонками цифр.

Вот он, результат... Да, это конец.

Тяня вошла в лабораторию. Ничто здесь не изменилось за несколько минут ее отсутствия: приборы, столы, стулья — все на своих местах. По-прежнему о чем-то негромко переговариваются техники Нада и Миша. Странно! Тяня подошла к своему столу, постояла, потом медленно обернулась:

— Ребята, я облучилась... Проговорила она это спокойно, чуть глуховато. Как всегда. И улыбнулась, как обычно, разве немного растеряней...

Все еще было по-старому. Лишь одно непонятно: Тяня отчетливо слышала свой голос — каждое слово, каждую интонацию. Это еще была она, Тяня Корнеева,

Она встала. Снова села. Потом начала расчесывать свои густые светлые волосы.

— Смотрите, что делает женщина перед смертью...

— А сама подумала: «глупо!»

И тогда, оттолкнув стул, попавшийся на пути, Миша выскочил из комнаты.

«Тубежал за инженером по охране труда...— равнодушно подумала Тая.— К чему это теперь?»

Надо сказать Екатерине Андреевне. Но как посмотреть ей в глаза? Ведь в основном сама виновата: рассеянность подвела.. А теперь начнут дониматься, отнюдь да почему... И в первую очередь будут неприятности руководителю работ, известному физику Лаврентьевой, умному, душевному человеку.

И все-таки нужно к ней пойти. Сейчас же. Пока еще есть возможность...

Распахнулась дверь, и в комнату ворвался инженер Куликовский. Сяди серым пятном началось лицо Миши.

— Сколько?

Она молча протянула ленточку. Внизу четко было выведено и тщательно заключено в рамку число.

— Быстро в машину! — Куликовский лишь на секунду задержал взгляд на ленте.

— Надо же сказать Лаврентьевой...— возразила Тая.

— Потом, потом...

Они мчались с недоуздочной скоростью. Когда же перед световым фаром машина резко тормозила, Куликовский ругался про себя самыми скверными словами и с тревогой поглядывал на Тая.

А она, откинув голову на спинку сиденья, безразлично смотрела на мелькающий за стеклом город. Куликовскому даже показалось, что Тая дремлет. Но она думала...

Сколько раз мягкой московской зимой, зыбким дождливым летом ездила она по этим улицам, бродила по ним вечерами и не представляла, что наступит в ее жизни вот этот день. И что он будет последним.

Все останется. И эти люди, толпящиеся на перекрестках. И эти дома. И этот снег. А ее не будет. Еще месяц-полтора, и распустятся деревья... А ее не будет...

Как все это происходило у Гусева? У него доза куда меньше! И аскарии... Из института еще почти никто не видел «Девять дней одного года»: фильм только вышел, очереди громадные. А Тая посмотрела. Да, страшная это вещь — лучевая болезнь.

...Резко изменяется кровь: число лейкоцитов с пяти — восьми тысяч уменьшается иногда в десять раз, потом погибают эритроциты.

В результате нарушения системы иммунитета может развиться заражение крови.

Стенки сосудов, становясь хрупкими и ломкими, пропускают кровь. Это грозит кровоизлиянием.

Разрушаются клетки костного мозга — он перестает обновлять кровь. Выпадают волосы.

Обожженные места не заживают.

Нявносимо болит голова.

Слабеет память.

Гаснет зрение.

Наступает полная апатия.

Человек медленно погибает...

Таня много читала об этом. И все-таки не могла предположить, что таню произойдет с нею. Что ей случится прямо через все эти годы еще...

Машинка затормозила у подъезда старинного дома. Таня удивилась и обрадовалась: здесь работала врачом ее соседка по квартире Ири-на Борисовна Мельникова. Ира. Еще утром, на кухне, говорили с ней о новом фильме, о погоде, о наступающей весне. А теперь им суждено встретиться уже как врачом и пациентом.

Таню провели в приемный покой, уложили в кровать, сделали первые анализы. А она все ждала: когда же придет Ира? Там казалось, что, как обычно она увидит ее, сразу все изменится: не будет этой тоскливой тяжести, которая вдруг нависала на нее, не будет этих сумасшедших слез в медицине. И вообще ей разрешат встать, и они вместе с Ирой поведут домой.

А Ира не шла... И Таня становилось все страшней: от одиночества, оттого, что она физич и полностью отдает себя одному в случившемся, оттого, что вдруг так далеко шагнула от этих людей, колышущихся около нее, до которых еще можно дотронуться, если протянуть руку.

Ирина Борисовна зашла в приемный покой, как обычно услышала, что привезли больницу с острым фюреном туберкулеза. Она с удивлением посмотрела на лежащую Таню.

— Ты что здесь делаешь?

И вдруг захныкала на последнем слове. Еще надеясь, что это ошибка, подошла к кровати.

— Ну, Таня?

И по напряженному молчанию окружающих покаля: нет, все точно...

Тогда она быстро склонилась над Таней, привычным жестом взяла ее за руку, там, где прилегла жилая, и присела взглядом и секундиной стрелкой: раз, два, три, четыре... А в такт ударам Танниного сердца бился в голове один-единственный нелепый вопрос: как же это могло случиться! Как же это могло случиться! Как же это...
Мельникова вышла в соседнюю комнату, отпустила на подставленный кем-то стул, сказала лагоными врачам.

Около Тани сейчас самые опытные врачи из радиологического отделения, сама Анастасия Матвеевна Воронова, заведующая отделением, доктор медицинских наук.

Приехали на институт заместитель директора Викрова, Лаврентьева. Спрашивают: может быть, пригласить французских специалистов? А зачем! Все, что там умеют делать, умеют и у нас. Была бы лишь малейшая надежда!

Лучевая болезнь... Дамоков меч, нависший над человечеством... Как об этом уже много известно! И как ничтожно мало! Каждый случай — это задача с массой неизвестных. Каждый случай — это challenge у последней черты. Теперь у этой черты Таня...

Сейчас ее перевезут в самую лучшую больницу, с новейшим оборудованием, с новейшими лекарствами. Тане там будет хорошо. Не сколько это, конечно, возможно...

Ирина Борисовна потеряла холодную руку лад. Нужно сообщить Танниным родным. Да, никогда еще не дошло не выпала такая миссия.

Латентного периода, периода лимфогранулематоза, у Тани не было. Болезнь сразу приняла тяжелейшую форму.

Первой об опасности, нависшей над Таней, сообщила кровь. Количество лейкоцитов катастрофически падало. Анализ биопристрельно не фиксировали: 1 500 единиц в кубическом миллилитре, 1 200 600, 600...

Один консилиум у постели Тани, второй, третий... Самые талантливые врачи. Самые большие ученые. А потом у себя, где уже можно расслабиться и смеяться с лицом эту вымученную благополучную улыбку, вещи называются своими именами: «Летальная доза...» «Летальный исход...»

О Тане в больницу знали не только врачам, но и обслуживающий персонал и пациенты! Тревога поселилась на всех этажах огромного здания.

— Ну, как она?

— Говорят, плохо... Почти нет надежды...

Да, надежды на спасение Тани Корнеевнo было мало. Так думал и член-корреспондент Академии медицинских наук Николай Александрович Коробков, возглавлявший лечение Корнеевны, и его непосредственный помощник профессор Петр Михайлович Минаев, и терапевт Ина Николаевна Петрова, и гематолог Ина Ивановна Фетисова. Но врачи не переставали высисывать хотя бы малейшую возможность.

Это было после очередного консилиума.

— Все-таки надо делать трансплантацию. И не через три недели, как югославский филиал в Париже, а гораздо раньше... И не выкручивая, а в грудную...

— Даст ли пересадка нужный эффект? И потом это же риск-ванно!

— Возможно! Но разве риск не оправдан! Разве мы имеем право медлить?

— А доноры? Можно ли их подготовить так быстро? С ее кровью...

— Позовани в институт. Они просили сразу же сообщить, если что-нибудь понадобится...

Не удивительно, что у врачей было сомнение. О лечении острых лучевых заболеваний человека костным мозгом донора путем пересадки (трансплантации) имелось лишь единичные сообщения. Заспешивали говорили, что этот метод заслуживает внимания. Но то, что эксперименты. Операций на людях было еще очень мало. Поэтому опыту у врачей было необильно.

И все-таки решили делать Тани пересадку. Ее костный мозг не справился со своей главной задачей — кроветворением. Значит, надо было ему помочь...

Еще до того, как в коридоре института было вывешено объявление, все уже знали: Корнеевнa ищет костный мозг.

Побросав дела, лады кинулись к медпункту, где уже готовила инструменты старшая сестра Вера Ивановна Матюшина. Прибывали и сотрудники ближайших институтов, неизвестно откуда узнавшие, что требуется донор...

Особая сложность заключалась в том, что у Тани была редкая кровь — в ней отсутствовал резус-фактор, то есть она относилась к тем пятнадцати процентам человечества, что именуются «резус-отрицательными». Поэтому, чтобы подобрать донора для пересадки костного мозга, прежде всего нужно было найти людей, чья группа крови соответствовала бы Танниной. А потом уже из их числа искать таких же «резус-отрицательных», как и она.

Народ все прибывал и прибывал. Уже было до отказа набит не только коридор у медпункта, но и vestibule, и площадки перед центральным входом.

Нервничали:

— Ну, что там долго? У меня, наверное, как раз вторая группа!

Спрашивали у добожественного раньше:

— Вы последний? Я за вами...

И тому, кто сидит:

— Я отойду на минутку, узнаю, как там дела... Так помните: я вперед!

В дверях медпункта с карандашом и бумагой в руке — Зоя Сафонова. Всегда подвижная и смешившая, она непривычно сдержанна.

— Имя, фамилия, год рождения, место работы, телефон... Следующий! Имя, фамилия, год рождения...

Вход с медсестрой — тоже добровольные помощники: они много и насует вытирают тарелки (спасибо buffet — выдают, сколько нужно), пишут на обороте каждой фамилию вошедшего, каплют не донышко сыроутку.

Кто-то распоряжается у подъезда машинами, уезжающими обладателями группы в больницу, где лежит Корнеева, для дальнейших анализов.

Двуми-двю кончился рабочий день у Веры Ивановны, а очередь в очереди все стоит. Двести восемьдесят седьмой... двести восемьдесят восьмой...

Вера Ивановна, нервничая, присматривает на быстро исчезающую сыроутку. Но заетра явно не хватит... Надо принимать срочные меры. Где же Медпункт?

Она поднялась из-за стола лишь тогда, когда позвонили из больницы и буквально изумились:

— Сегодня не прислайте больше людей! Негае их размещать. Заетра привозите небольшими группами... Успевает ли! Не волнуйтесь, пожалуйста!

Вера Ивановна нашла заместителя секретаря партбюро Медпункта, которому дирекция поручила всю организационную сторону (он только что повлился в институт: пришлось создавать пункты для анализа еще в трех местах, так много оказалось желающих), и потребовала, чтобы утром сыроутка была.

Изумленный Медпункт шел за телефоном:

— С вами разговор из научно-исследовательского института. Нам срочно нужна сыроутка для определения группы крови.

— Сколько?

— Не меньше тысячи доз!

— ?!

— Это вопрос жизни и смерти!

— Хорошо. Приезжайте заетра к девяти утра. К этому времени все будет готово.

Ровно в девять Петр Анисимович был на станции переливания крови. Ровно в девять ему передали нужное количество сыроутки.

В половине десятого во всех четырех пунктах можно было начинать работу.

И снова молчаливые очереди. И снова невысказанная тревога: а вдруг не успеет!

Несколько раз проползали слухи: Таня умерла. Потом вздох облегчения: опять кто-то чего-то не дослышал...

Почти полтора тысяча человек откликнулись на Таннину Беду. Научные работники, инженеры, студенты АГУ, родственники сослуживцев, знакомые знакомым и знакомые знакомым...

Викрова привезла своего сына. Профессор Рогов — своего дочь.

«...Пальцева, Медучилище. Через Еркибаева». Строка из списка Зои Сафонойвой...

Володая Еркибаев не знал Таню — он работал в другом институте. Но как только стало известно, что нужны доноры костного мозга и кто из него самого количества, она сразу же перебралась в пытки своих друзей, самых отзывчивых, самых бескорыстных. И вдруг — Людошка, Людошка Пальцева... Он знал ее по целине. А на целине человек сразу становится явном.

Люда приехала к нему на следующий день уже с готовым анализом: сделала у себя в училище. Все подходило. Спросила просто и даже буднично:

— Ну, кому я нужна?

— Иван Александрович Замятин, старый коммунист, проработал в институте много лет. Потом ушел на пенсию, занялся хозяйством. Но хоть и было бедно, сразу же узнал о несчастье. Тихонико оделся и отправился знакомой дорогой.

Уговаривал он Зою долго и настойчиво.

— Я ведь уже свой век отжил... А может, мой старый муж и подейлет! Пусть молодой поживет...

Но Зоя была непреклонна:

— Иван Александрович, спасибо большое, но мы найдем людей покрепче: операция, очевидно, непростая...

«Операция, очевидно, непростая...». Оказались в той самой необычной очереди и другие люди. Горькая они кинулись вместе со всеми на помощь человеку, а потом вдруг задули, засуетились... Нелегко было на них смотреть, когда мучительно красные, они объясняли, что им не позволяют родители или возражает жена...

Трансплантацию предполагали сделать в понедельник. И вдруг вечером в субботу известие: в Тавн резкое ухудшение, возможно, придется сделать операцию завтра.

Из кандидатов в доноры немедленно установить связь можно было лишь с одной Верой Прониной, Таниной подругой по институту.

Занок Лаврентьевой звался ее почти у двери — собралась уходить...

— Никуда не исчезайте, возможно, завтра вы понадобятся... Ждите нашего звонка и ради бога не волнуйтесь...

Вера положила трубку на рычаг. Ноги вдруг стали непослушными...

Она сидела, уронила руки на колени и пристально глядя в окно.

— Что вдруг прозвонило? Почему после звонка Лаврентьевой стало так страшно? Ведь она в первый же день сделала все анализы и узнала, что подходит для операции, ничуть не испугалась.

Помнится, шли они с Зоей Сафоновой после работы по улице и все говорили, говорили о случившемся. Глянцево полбесилася мокрый асфальт, желтыми класками отражалась в нем фонари, свел мелкий и холодный, совсем осенний дождь. Но раскраснели не хотелась: вместе было не так горько.

— Я сразу же побегала в медпункт, но группа не сдала, ты знаешь... — забко повизжалась, сказала Зоя. — А подошла бы, ну и резуз тоже, конечно, согласилась бы на операцию. Но если по-честному, — очень страшно! Никто ведь толком не знает, что это за штука — пересадка костного мозга. Студка берут? Сколько! Под общим ли наркозом? Будут какие-нибудь последствия для донора или нет? Все по-разному говорят...

— Берут вот отсюда! — Вера ткнула себе пальцем в грудь. — Вот из этой кости. Называется она грудной-на... А насчет наркоза действительно не ясно... Ну, да это все равно... Я что-то совсем не боюсь.

— Да, это разговор был всего два-три часа назад! И — на тебе! Сердце готово выскочить, руки гудеяны... Откажется? Кто посмеет осудить за это! Но потом всю жизнь не прощешь себе...

Только бы мама ничего не заметила. Разволновалась. Тогда ведь не думала, что так скоро... Ни я чему ей лишние переживания.

В понедельник кандидат химических наук Вера Пронина первый раз за все время опоздала на работу. Она вошла в лабораторию на десять минут позже обычного. Глядя на ее осунувшееся лицо, кто-то попытался пошутить, но его никто не подхватил. Вера, обычно быстрая на улыбку, даже голову не повернула. Еще бы! Понедельник и субботу и воскресенье у телефона — совсем улыбаться разучилась. Ведь не в кино ждала приглашения!

Сказалось, что операцию отложили. Никто ничего определенного не знал. Во всяком случае, с утра нужно было ехать в больницу, где лежала Тая.

— Вот, собралась... — рассеянно произнесла она. — Пойду скажу Викторовой...

Нина Александровна с тревогой взглянула на вошедшую. Но, заметив тщательно уложенные волосы, сверный маникюр, успокоилась. Вера осталась Верай даже в такой трудный для нее день.

— Я готова... — негромко сказала она и вдохнула.

— Вот и хорошо, вот и хорошо... — взорвалась Викторовая. — Машина уже ждет, поспеет с Мединским. Ну, спасибо, Верочка, что было решено делаться напрямую со мной.

Анализ на совместимость для таких хорошие результаты, что было решено делаться напрямую со мной.

— Посидите здесь! — Кто-то указал Вере на табуретку. В большой, но до роста лижине она казалась маленькой.

Все вокруг было занято — гремели инструментами, шумно мыли руки, тщательно прижмывали марлевые повязки.

И вдруг Вера заплакала: она увидела, как, засучив рукава, обна-

жил огромные, мускулистые руки хирурга Самвала Ваграновича Григоряна, как деловито натягивал он высокие матерчатые сапоги...

— Ну, что вы, что вы, успокойтесь! Коричневую уже аезуэ, — торопливо подтолкнул он кто-то руку на плечо. И Вера, судорожно всхлипнула, повернула к двери улыбающегося лица.

...Тая лежала на каталке, глядя в одну точку. Болела голова, вылидились слезы, резало глаза. В последние дни что-то совсем плохо стало со зрением...

— А вот и ваш донор, Танюша! — ласково сказала сестра. Тая с трудом повернулась и увидела улыбающуюся во весь рот Веру, такую незнакомую и смешную в больничной лижине.

— Ты, Вер! — не доверяя себе, шепотом спросила Тая.

— Ну да, ну да... — заливала темноволосой головой Вера. Отвернувшись смутить слезы и опеть с улыбки обернувшись.

А Тая с облегчением вдохнула и закрыла глаза.

Потом Вера лежала на белом столе и смотрела в белый потолок. Слез уже не было, наступило какое-то безразличие. Вздрогнула от укола. Кто-то наклонился над ней:

— Я буду называть вас по имени, а вы в ответ открывайте глаза, даже если очень захотите спать. Пожалуйста! Начинию. Вера Алексеевна! Вера Вера открыла глаза. И тут же снова закрыла.

— Вера Алексеевна!

Вера отжималась. Плотная и темная вола нежались и стала банюать. Все-таки последним усилием Вера разлепила веки.

— Вера Алексеевна!

Этого она уже не слышала...

Отчулась Вера через несколько часов, в палате. Кто-то в белом стоял около нее и улыбался:

— Ну, как вы себя чувствуете? Есть ли аппетит?

Вера кинула.

Потом пришел другой человек, снова спросил про аппетит. Вера опять кинула и сердито посмотрела на него. Потом подошел третий. Опять тот же вопрос. Тут Вера взбунтовалась:

— Все толсто спрашивают, а есть не дают! Прекрасный у меня аппетит, есть!

И обранные медики принялись нормить Веру.

На успела она поест, как увидела веселое лицо Ани Левниной, подруги по работе, каждый день бывавшей у Тая.

— Немножко отдохнешь, и пойдем к ней в гости. Там есть свободная кровать, ляжешь, а я буду поить вас чаем со всякими вкусными вещами... — объявила Аня.

И вот они лежат почти рядом — у одной стены и у другой стены. Вера раздумывалась. Лицо Тая уже не такое воспаленное, как раньше, и глаза даже как будто меньше болтат. Обе возбуждены и разговорчивы. У обеих на груди одиночные марлевые наклейки.

— Да знаешь... — начинает Тая. — Хотя ничего ты не знаешь. Услыла как мертвая через несколько секунд. А я все видела: у меня же было местное обезболивание, потому что мне не так трудно, как до-нури... Григорян взял болюющий шприц, проколтел тебе шею и начал медленно набирать жидкость. Ты не представляешь, как это сложно!

И каждый хирург может! Потом быстро передал его Гребешкову, и Игорь Петрович тут же «вкатил» мне. И так несколько раз... А я так даже не шевельнулась...

— Когда я проснулась, так вдруг есть захотелось! А меня все про аппетит спрашивали... — прерывает ее Вера.

— Проявляй, не тошнит ли после наркоза, и вообще самочувствие... А как твой опыт? А что за фильм, выговар! Говорят, сегодня настоящий весенний день!

Аня поднимает и как и с трудом верит, что еще несколько часов назад все было по-другому.

На следующий день Вера приехала домой. Не успела за ней заплотиться дверь, как вывалилась целая ватага — почти все состав лабораторий — с цветами, с конфетами. Шумные, веселые, горлящие.

Софья Аркадьевна, мать Веры, ходила какая-то хмельная от радости и только лотарилась растерянно:

— Тине, ребята, тише! Она же еще совсем слабенькая...

— Ничего, поправится! Дирекция выделила Вере квартиру в санаторий. Разве вы еще не знаете!

— Да, ей ведь как донору положено довольно крупная сумма! Сможет питаться птичьим. Молоко... — засмеялся кто-то.

Вера утробно подняла брови.

— За что? Деньги?

— А что особенного? Там, кто сдает кровь, платят ведь! А тут — костный мозг! Да это не в частном порядке, глупенькая. Государство так постановило!

— Нет-нет! — она испуганно выставила вперед ладони. — Я суверенная...

— Если возьмешь деньги, Тене не поможет...

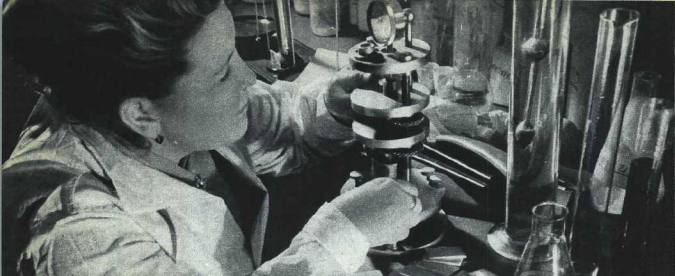
Все поняли, что с этии «суверенным» ничего не поделаешь.

Остриин. Смирялся. Потом кто-то спросил:

— Будут деньги Тая еще одну операцию или нет?

— Очевидно, будут... — задумчиво ответила Вера.

(Окончание в следующей номере)

Центральная химическая лаборатория — сердце комбината. Лаборантка Мария Михайловна Чиркова проводит измерения твердости полимерных изделий.

МАСТЕРА СИНТЕТИЧЕСКИХ ЧУДЕС

Приехав в Мытищи, я спросил у первого встречного мой неведомый, как пройти на комбинат синтетических изделий.

— Куда! — услышал я удивленный вопрос.

— Да на комбинат, где строительные детали из синтетики делают.

— У нас для строительства разве что кирпичный завод есть... Иду на кирпичный. Может, там

узнаю. Иду на кирпичный, а попадаю на синтетический. Вот уже три года именно здесь организовали комбинат синтетических строительных изделий и материалов.

На месте бывших темных, неуютных цехов — зал с обильным зеленым. Бесположенные халаты рабочих. В воздухе нарядные тона окрашенных стен. Сказка! И будто волшебники, веселые

парни и девушки. Почему волшебники! Да потому, что химией строительной индустрии творят здесь настоящие чудеса.

...В небольшой бункер засыпается полистирол. Включен мотор, пресс приходит в движение, и через несколько секунд на машины извлекаются красивые пластмассовые ручки... Но вот тем же полистиролом наполняют формы, помещают их в автоклавы. Несколько часов пропарки под высоким давлением, и перед вами громадные и легкие, как пух, плиты. Они идут для теплоизоляции кровель, трубопроводов, холодильников, домов для полирников.

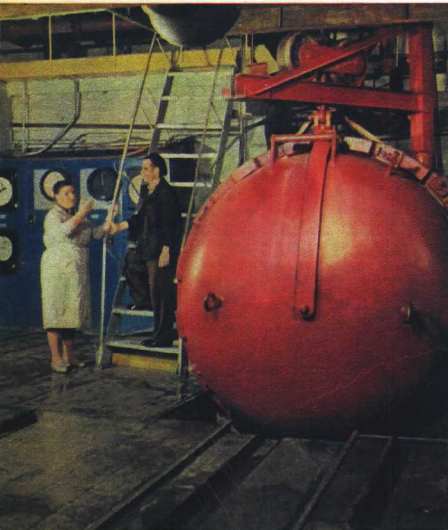
В другом цехе делают водопроводные краны, муфты, тройники. Материалом для них служат... чулки. Да-да, старые, реальные капроновые чулки. Именно этот утиль, попадая в реактор, превращается в фурнитуру для кухни и ванн комнат. А рядом из-под могучего пресса выходят облицовочные панели. Из чего их изготовили! Из ценных древесных пород? Нет, из бумаги и смолы.

Ну, а могут ли тонкие стеклянные нити быть прочнее металла? Могут. В цехе стеклопластиков из стеклянных волокон рождаются розовые, голубые, золотистые многообразные плиты и легкие трубы, которые выдерживают вес многотонного грузоника, не боясь коррозии, кислот, огня.

Не удивляйтесь, если под сводом одного из цехов вам повстречаются корты и летние кафе. Это тоже продукция комбината. Скотоводы Казахстана, Киргизии, Туркмении уже получили палаток, удобных, легких, теплых зонтиков, изготовленных мытищинскими химиками. Сейчас к этому заказу прибавилась большая партия летних кафе из синтетических материалов.

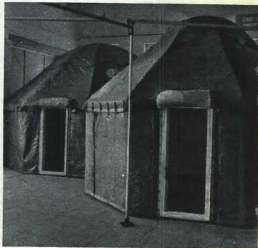
Три года назад — кирпичный завод. Сегодня — предприятие большой химии. Это вовсе не в сказку. Это в жизнь. Свидетельства понятия о темпах технического прогресса. И в этом характернейшая черта нашего бытия.

К. ВЫСОКОВ

Здесь рождается пенопласт...

Эта теплая и удобная куртка сдлана целиком из пластика и весит 190 килограммов. Установить ее могут два человека в течение получаса.

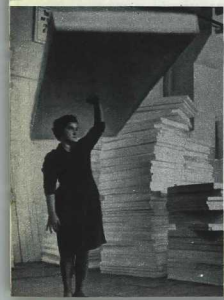

Непрерывной лентой бежит с валцов хлорвиниловая пленка, из которой можно сделать много нужных и полезных вещей.

Начальник цеха полихлорвиниловых изделий Владимир Яковлевич Масс и технолог Таисия Михайловна Павлова обсуждают новый рисунок для пола, который содела из цветных плиток Елена Зиле.

Эту огромную синтетическую плиту без труда поднимет любой человек: весит она всего 4,5 килограмма.

Не могу молчать!

Зачем вы лжете, «Флибустьер»? Чтобы удобней было существовать, чтобы оправдать свою нечестно прогнившую философию, чтобы под свои маленькие, грязные мыслишки подвести хоть какую-нибудь бусу? С этой целью вы клеветаете на людей?

Я рабочий, столяр. Окончил среднюю школу, много ездил: был в Сибири, на Урале, в Поволжье, работал в маленьком городке Очер, в Пермской области. Мне в моей жизни тоже приходилось и добить мерзлую землю и в жестокие морозы разгружать вагоны. Как видите, с этой стороны у нас есть что-то общее. Но только с этой. Я пишу не по заданию редакции, не еду по пропаганде, как вы изволите выразиться. Просто те открытки из присланного вами письма, которые были опубликованы в «Смене», заделали меня, и я могу молчать.

Вы обвиняли во многих местах, много, как вы пишете, видели. Кто видел? За гаденькой, но единичной свинерней не рассмотрели настоящую жизнь, не заметили будущих радостей. Для вы и не хотели их заметить! По-вашему, друзья мои, люди «калькуются» только за деньгами, каждый живет одним собой. Для вас все так просто и ясно, что будь вы солнцем, то за каждый луч брали бы с бедного человечества наличными. А извест-но ли вам, «Флибустьер», что такое гордость за создание того, испытали ли вы хоть малейшее волнение при виде результатов собственного труда?

Приведу пример из своей жизни. Однажды на Урале мне пришлось срочно строить 15 километров постоянной воздушной линии связи. Наस было 23 человека, и был срок — только сутки. Линию мы построили вовремя, однако никто не пошел спать, хотя работали и ночью. Мы сели в машину и проехали весь построенный нами участок. И никто не ныл, не думал о том,

сколько нам заплатят. Очень было приятно смотреть на четкую, ровную линию столбов и проводов, висящих над ее не было. Помните, «Флибустьер», еще судно издал ее не было. Но ее нужно было построить, и мы построили — вот она стоит. Это романтика настоящая, без подделок, без прикрас и утрирования, романтика будущей. Помните вы такую романтику? Видимо, не понимаете, вернее, не хотите понимать.

По вашим, с позволения сказать, философским получается, что и штаны в магазине продаются не для того, чтобы вы их носили, а чтобы урвать с них часть заработанных рублей. Вы загнулись в элементарных вещах. Как же смелете судить о товарищеском судно? Для них труа является людоед? А они совсем не такие, как вы. Понятия ли вам людей, которые все всякого вознаграждения работают общественными контролерами, общественными upholsteryными милициями, членами товарищеского судно? Для них труа является святыней, для вас все заключено в копеечку. Они не шддят себя во имя завтрашнего дня, вы же, как бравиурете в письме, во имя копеечки пошли на опасную для здоровья работу. Да вы же врете, вы же еще и трус и даже за тысячу тысяч не закрепте собою амбурауэ дзота. Ведь опасность бывает всякая, а вы выбираете ту, где при осторожности уцелевш.

Помните, «Флибустьер», одно: мы строим общество, равного которому еще не было в мире. Мы идем в него через кровь наших отцов и дедов, через собственный пот и зачастую через сириневые зубы. Мы его строим как раз для того, чтобы навсегда покончить с подлым, низкосортным наследием, что осталось нам от мира денежных тузов, от мира «чистых и немытых». Мы не молчим рублю, мы создаем будущее!

В этом наша романтика — долгий смысл жизни. Я задал вам много вопросов. Ответьте мне, не трусите. Если все же решитесь, пожалуйста, пишите в Пермскую область, г. Очер, ул. Калинин, дом 1, Э. Ошеров.

ВСЕ ИЗМЕРЯЕТСЯ ДЕНЬГАМИ

Я, Мартынов Александр, 25 лет, образование среднее плюс техническое училище, зактрослесарь, считаю:

Да, «Флибустьер прав во всем!

Да, все и всюду измеряется деньгами. Много денег — хороший человек, нет денег — дрянь, а не человек. Исключения составляют ЕДИНИЧНЫЕ СЛУЧАИ (о каких и упоминается в «Ответе «Флибустьера»), но не как система. Каждый человек старается приобрести побольше денег для своего благополучия (не будем говорить о тех людях, которые просят, промывают, их в кармане). Я эти типы за людей не считаю).

И я и окружающие меня люди все без исключения работаем только за деньги. Раби них совершаются любые дела, которые можно даже называть подвижками.

Приведу два, века, наш народ построил все, что есть на земле, и не удалось перекачать дух человека, чтобы он СИСТЕМАТИЧЕСКИ работал за красивое слово. Об этом можно только мечтать. Не мы это придумали, не в силах мы это изменить. Ведь человек с первых дней своей жизни сталкивался с вознаграждениями: «моя шкурка», «мой волосок», «мой костюм», «мой жена», «мой квартира», «мой дача», и все это заменить слою не весь период.

Мы приводем примеры, как молодежь беснотно разгружала баржу и построила узкоколейку. Это могло быть, но только один раз, не более двух. А ведь если они разгрузили баржу, значит, те кирпичи или кирпичи были на следующий день. Построил узкоколейку — не будут носить на своих плечах тяжести. В обоих случаях результат — ноль.

На эту тему можно спорить до бесконечности, но пока хватит. Ответьте мне через журнал или лично.

г. Могилев, Белорусская ССР.

Александр МАРТЫНОВ

ВЫ

ЛЖЕТЕ,

«ФЛИБУСТЬЕР»!

МЕНЯ ОЧЕНЬ ВОЗМУТИЛО, что «Флибустьер» пишет, будто в бригадах коммунистического труда НИКОГДА ДРУЗЬЯ И ВЗАИМОПОМОЩЬ, а есть одна ТОЛЬКО ВЫГОДА. НЕПРАВДА ЭТО, ВЫ ЛЖЕТЕ, «ФЛИБУСТЬЕР»!

ЕСЛИ ВЫ МОИ ТОВАРИЩИ ПО РАБОТЕ НЕ ПРОТЯНУЛИ мне в трудные минуты ДРУЖЕСКОЮ РУКУ, кто знает, может быть, и я ТОЖЕ СМОТРЕЛА ВЫ НА ТВОЕ СМОТРЕЛА ВЫ НА ВСЕ СКВОЗЬ ЧЕРНЫЕ ОЧКИ.

НО ЭТОГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. Я НА УЧАСТКЕ, где Я СЕБЯ РАБОТАЮ (НАШ ЦЕХ — ЦЕХ КОМУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА). ВСЕ ТОВАРИЩИ — ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ РАБОЧНИЕ. ОДНА Я НЕ УМЕЛА ОБЩАТЬСЯ С МОИМИ ТОВАРИЩАМИ И УСТАНОВКАМИ, КОТОРЫЕ У НАС ИМЕЛИСЬ. ТАК ВСЕ ТОВАРИЩИ ОХОТНО ПОМОГАЛИ МНЕ, ОБЪЯСНИЛИ, ПОКАЗАЛИ, КАК НАДО РАБОТАТЬ, И ЧАСТО ЭТО В УЩЕРБ СОВЕСТНОЙ ЗАРПЛАТЕ.

НЕКОТОРЫЕ ДАЖЕ ПОСЛЕ СМЕРЬИ ОСТАВЛЯЛИ ЧТОБЫ НАЙТИ НЕПРАВИЛЬНОСТЬ В СХЕМЕ, КОТОРУЮ Я НЕПРАВИЛЬНО СОЗДАЛА, И СЕГДА Я ВЛАДОУРА ПОМОЩИ ДРУЗЬЯМ НЕПОДХОДЯЩИМ СЛУЧАЯМ И СЛАДА ЭКЗАМЕН НА РАЗРЯД И ВМЕСТО СО МНОЙ ЭТОМУ РАВНОУДАЛИСЬ МОИ ДРУЗЬЯ.

С. КУРЬЯВА

г. Харьков.

ЕСЛИ ЗАГЛЯНУТЬ

ПОГЛУБЖЕ В ДУШУ...

Прочел я в «Смене» про «защита в черных очках», и стало мне обидно за настоящих зайцев: их хит и считают трусиками, но они иногда проявляют смелость, прыгают в овраг за халустой. Но этот человек, который написал в «Смену», который клеветает на коммунистические бригады, и звание заведующего: он ведь даже побоялся назвать восточные имя. Такие типы зачастую продаются за деньги, продают Родину, товарищеский продукт за ламинный рубль. Ему лишь бы пожить в свое удовольствие.

А если заглянуть поглубже в душу этого «Флибустьера, то этот человек — свистопляс, мелочник и халуста. Он любит сорвать побольше, а труду вложить поменьше. Вот у нас сейчас сейчас найдут подготовительные работы к весенней посевной. Иногда приходится работать и по воскресеньям, но не ради лишнего рубля, в ради того, что если я и поработаю соми лишние часы и без зарплата (а у нас тут слалош и рядом так), то богаче станет наша Родина, богаче станет все мы, живущие в государственных таких условиях, вроде «Флибустьера», но должно быть места в наших рядах.

Виктор СОЛОВЬЕВ, тракторист.

Саратовская область, центральное отделение.

Почему его называют «зайцем в черных очках»?

Мне непонятна позиция напиримаркиста, заявляя автором «Флибустьера» по отношению к автору письма: «Флибустьера» вы считаете чуть ли не врагом народа. Но если даю судить по отрывкам этого письма, то я считаю, что оно написано вполне правильно. Конечно, такое письмо «Флибустьер» не мог написать со всеми паспортными данными, так как ему, по-моему, не поздоровилось. Непоздоровило, почему вы его называете «зайцем в черных очках»? Зачем скрывать то, что большинство людей работают из-за денег? Вы платитее представить все в розовом свете, приводя несколько фактов социального отношения и труда, то есть примеры работы не из-за денег. А нельзя ли было попоней ответить на вопрос — из-за чего работает человек. — а не крутить вокруг да около? Мы не дее, и надо было бы подробней поговорить на эту тему.

г. Старый Крым,
Украинской ССР.

В. ГИПОНКО,
рабочий

Жалко мне тебя, ни щ и й!

СЛУШАЯ, ТЫ, «ФИБУСТЬЕР»!
Благодарю, что ТАКИХ, КАК ТЫ
«ФИБУСТЬЕРОВ», В НАШЕМ ОБЩЕ-
СТВЕ ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ МАЛО И ТЫ
ИХ НЕС ПОСЛЕДНИИ ОЧЕНЬ ПРОШУ
ТЕБЯ НЕ ПУТЬ, ПОЖАЛУЙСТА, ВОЗ-
ДУХИ ЭТО ГОВОРИТЬ ТЕБЕ Я, Э. В. БЕРЕ-
ЗОВСКИЙ, НЕ ПАРТИНЬИИ, НЕ
АГИТАТОР, НЕ ДРУЖИНИИ, А ШУТ-
КАТУР.

ДА ШУТКАТУР И ЭТО НЕ МЕШАЕТ
МНЕ БЫТЬ РОМАНТИКОМ.
ТЫ «КОВЕРЯЛ ЛОМОМ ЗЕМЛЮ У
ИГАРИИ» Я ТОЖЕ «ВНАВЛЯЛ», НО И
НА УРАЛЕ, И В ДОНБАССЕ, И В НА-
ХАКСТАНЕ, И НА ОХОТСКОМ ПЕ-
РЕМЬЕ Я ОСТАВИЛ СВОЙ СЛЕД, И НЕ
ВАНЖИКО КАКОЕ: ТО ЛИ ЖИЛКО ДОМ,
ПЛУВ, ВОЛНИЧКО, ВАЖНО, ЧТО ДЛЯ
ЛОДЕИ.

А ТЫ ТЫ РАБ САМОГО СЕБЯ, ТЫ
БЕДЕН ДУШОИ, ТЫ НИЩИИ.
ЖАЛКО МНЕ ТЕБЯ, «ФИБУСТЬЕР»!

Э. БЕРЕЗОВСКИЙ
колхоз «Победа»,
Гуляковский район,
Криворожский край.

Своими силами и без оплаты

Дорогая редакция «Смены»!
Прочел я статью о «Флибустьере», и очень за-
хотелось мне сказать ему, что он неправ. Он
смотрит на все, что делается в нашей стране,
своими глазами и фиксирует только отдельные
промахи, неверно, таких, как он сам.

Я являюсь второй группы, много лет работая
в охране завода. Потом меня выдвинули рабо-
тать заводчиком, по добровольному желанию
завода. Зарплата 90 рублей, в моем личном рас-
поряжении была пара лошадей с линей-
кой — развезти себе да следи за порядком.
Но недавно я пробыв в этой должности: оказался
у нас пропой на свиноферме — плохой
привес свиней, большая текучесть рабочих па-
деж рабочих. И решил я стать свиномаром. Зарп-
лата моя стала 40 рублей. Это я для «Флибустьера»
специально сообщую. Он вот из словоза убежал,
трус, наверно, поэтому, а мы вот не боимся
и не думаем бежать. Работы и хлопот у нас на

Незавидная слава

Не буду обращаться к тебе на «зайца» маня: не увидишь так обращаться к людям, достойным уважения. И, конечно, тебе не слышаться.

Правильно, очень правильно тебе ответить в журнале и, по-моему, даже очень великодушно. Ты завистливо назвал «зайцем в черных очках», а я бы назвал тебя никак более крепким выражением.

Мне часто приходилось ездить в поездах, и там среди многих интересных встреч бывали и ты, словно шел и поворачивал поглядывая в сторону. Но все такие зайцы были хитрыми и разговорах с тобой трюмишь людьми. Тут они давали много языку, извлекли из-за чуточку «субъективный опыт». Ты же оказалась полагали в журнал, видишь ли, написали!

Ты ловишь руку на Камчатке? И не знаю, где ты живешь и с кем. Рыбы там действительно много, но много и чистых трусиков: но и ведь там рос, так что знаешь лучше хорошо. У нас на Камчатке, в поселке Ключи, есть перерабатывающий комбинат. Там строили по моему механический цех. Если бы видел, как это строили!

Ты же было огромное здание, и змыло в пугу, в мороз строители работали наверху: строительные условия, перемены. О чем они думали? О прогрессивности? Или они думали о людях, которые работали, стараясь цехе. Работе, построенное еще во время войны.

«Я была бы очень несчастна...»

Мне хочется спросить вас «Флибустьер»: «Что дал вам право говорить от имени всех людей? Из-за денег работают только людишки, и избавляе, пожалуйста, остальных людей от подобного превращения: да нас оно унижает!»

Когда мне было 16 лет, я добровольно ушла на фронт. Прочла всю войну. Сейчас работаю в коксохимическом цехе металлургического завода. Я не могу позволить своим здоровьем, но отдаю я его не в погоне за высоким рублем. Я и сейчас работаю тут не потому, что здесь как-то по-особому платят, а потому, что знаю: я здесь необходима.

Вы работаете только из-за денег и никогда, очевидно, не трудитесь с оговком, не горите в труде, а потому не испытываете настоящего счастья. Вы нищии, вас стоит пожалеть. Я мать трох детей, и я была бы очень несчастна, если бы мои детки оказались хоть сколько-нибудь похожи на вас.

г. Челябинск. Д. ЛИСИЦЫНА

ферме кто отвелая, однако выбрали время и для механизации. Притом все сделали своими силами и без оплаты: построили транспортер для вывоза навоза, установили самокормушки, автопоилки, вывезли воду. Этих самым сил обменяли себе труд, повысилась наша заработная плата, теперь уже нет нужды бывать на ферме от зари до зари, как раньше приходилось.

Товарищи, с которыми я сейчас работаю, совсем не похожи на «Флибустьера», который только на словах говорит о недостатках и ворочает о них да думает, как бы побольше заработать. Ганьше, правда, были и у нас такие, которые старались поменьше сделать работы, а побольше получить, но мы быстро разоблачили этих штуркинов. Думаю, что вы же надо поступить и с «Флибустьером» из Комсомольска.

СИДОЧУК,
старший свиномар,
поселок Комбайновский,
Область.

мя войны, знали: цех нужен было, поэтому они и морали ругались... и работали. А комсомольцы послали какое-то количество бригады на оксисрени, помогли строителям, чтобы быстрее было.

Это необходимо! Если смотреть на все с точки зрения, конечно, первоочередным, то трудно, конечно, в чем-нибудь победить.

Ты жил на Камчатке... А слышала ты о полюбившей женщине-вулканологу Горшковой? Нет? Ты спроси у Евгения Константиновича Маркина (его отец помещенец в том же номере «Смены», что и твой тоже), спроси, что такое настоящее романтизм. Канова ее знала. Он ответил бы тебе, я уверен (работал с ней в одной экспедиции), но только как человеку с именем, а не анонимному. Я слышала, что вы не забыли о том, что в любом нашем краю, а память погибших людей, честных, открытых, смелых, действительных знавших, что такое романтизм, а не романтизм! Мой знакомый, прочитав о тебе, сказал: «В принципе это и есть романтизм, предельно. Такие-то вы и презлаемые людей в войну». Незавидную славу ты списал себе, джефлибустьер, незавидную славу, а не романтизм.

В. ЧЕГАЕВ,
инженер-механик хозяйства
Давыдовского район,
Ленинградская область.

Разве рационализаторы работают из-за денег?

Мне не так давно исполнилось двадцать лет. До призыва в армию я работал в электротехнической мастерской. Работал у нас в цехе часто велись споры о рационализаторстве. Да-словам, обо всем, что в последние оплевал «Флибустьер», после таких споров я часто спрашивал себя: «А что ты сделал для общества? В чем тебе романтизм?» И спасибо моему первому учителю Дмитрию Ериновичу Кожиному, который помог мне разглядеть романтизм в обычных рабочих днях. Я стал заниматься рационализацией. На первых порах, конечно, ничего не изобрел. И если бы не изобрел, то товарищ по работе Петра Ладневая и Ивана Тонкова, может быть, и я спускался бы. Но они в свободное от работы время настолько помогли мне. И успех пришел: наше предложение усовершенствования увидело свет. Давно мы направились в цех, а разве мои друзья работали вечно? Давно мы приспособились к нему. Конечно, отдыхать после работы приятней, мне склоняться было чертенок, приспособился к нему. Еще неизвестно, получится или нет, но мне и сидеть до поздней ночи. Зато как было приятно, когда наши приспособления приняли. И, конечно, «Флибустьер», вовсе не обиделся на мои думал, и поплаз, которую моим принести.

А. ЯНЬЧЕВ,
солдат

НЕ МЕРЯЙТЕ ВСЕХ ЛЮДЕЙ НА СВОИ АРШИН!

Меня очень задело, что у нас есть еще такие люди, как «Флибустьер», которые работают в коллективе, и никто не знает, каковы у них темные души. Такие люди все меряют на деньги, такие и женятся не по любви, а по выгоде.

Я сам работаю слесарем на заводе, работаю с 14 лет. Сейчас мне 31 год, женат, имею двух детей. Сама принимаю, что иногда бывает трудно: ждешь аванса или получишь с нетерпением. И все равно деньги — не главная цель жизни, ни моя, ни моих товарищей не платили. Да и от этого и не хотели работать по выходящим дням, потому что знали: приносишь пользу людям. И никто не знал Я мог бы привести десятки примеров, но не хочется писать историю, который побольше думается в открытую, а как завлека тянулку из подворотни. Просто задаю мою рабочую гордость, что всякий «Флибустьер» меряет нас на свой аршин.

М. РАЙЦЕВ,
слесарь-инструментальщик завода
«Сормашинна»
г. Могилев, Белорусская ССР.

Рисунки В. ЮДИНА

РАССКАЗ

То

К

остя Бондарчук и Лева Королевичко-перничают всегда и во всем. И не только из-за междустра Кати. Это началось у них еще с того времени, когда мы впервые пришли в степь. Тогда спали еще в палатках и по утрам разогревали машины на двадцатиградусном морозе. Теперь-то мы живем в нормальных домах, а по вечерам смотрим кино или танцуем в клубе на главной улице, где у нас, как выражается Лева, «функционируют» разные кружки. Теперь нам смешно вспоминать о том, какими героями мы себя воображали.

Больше всех, конечно, завидовала Лева Королевич. О себе он говорил не иначе как во множественном числе и начинала всегда со слов: «У нас в Одессе...» или «Мы, покорители целины...»; при этом Лева поглядывала на нас своими ласковыми пылкими глазами сверху вниз, что, впрочем, было нетрудно, принимая во внимание его рост — сто восемьдесят девять сантиметров. Вообще Лева любит пофилософствовать и подмалтывать всякими там эвфемичными словечками. А вот Костя Бондарчук, тот, наоборот, молчаливый. Когда Лева начнет доносить его своими насмешками, да еще при Кате, Костя вскакивает, засопит и поровнит мохля внахлест. Лева оскорблен действием: ткнуть кулаком под бок или дунуть ногой под тощей зад. И тогда Лева говорит: «Фу, как нехорошо! Мы, покорители целины, должны проявлять грубую физическую силу. Более эле-

танту и рационально. Например, сделать за сутки липкий рейс с удобрянием.

Тут надо сказать, что у буровой автомашин Лева Корольчик — бог. Никто из наших совхоз не едет быстрее. На уборочной Лева сидит за рулем, как прицепный. Сто километров из глубины до элеватора его грузиков с двумя прицепами покрывает и ровное шоссе. Летит такая машина по степи, как самолет по небу, слышно ее за много километров. Со стороны смотреть — дух захватывает.

Правда, Костя Бондарчук — тоже шофер высокого класса. Но он не претендует на себя, как Лева, а молча наставляет ему на пути. Например, прошлой осенью Лева собрался: зачем ему и резар работы выезжать в конник на заправку? Вста да и пристроил на свою машину занасной бак для горючего да еще крапок три прицепа, чтобы, не вылезая из кабины, прямо на ходу переключить подачу топлива. В течение двух дней Лева обгонял Костю на целый рейс. Но на третьем этапе Костя машина вышла в степь с полным баком добавочным баком, а потом это новшество появилось и у каждого из нас.

Лева обговаривал Костю обильной и скляно землети, что ему нас в Одессе, аналитических пшеников сажали едять, извильно, на ароматных бочках, и покосившись на Катю, доложил: «Рожденье полей лепить не может. Все равно я его обставаю». Обстаю. На этот раз он придумал такой фокус: пошел к своему другу, плотнику Васье Ефимову, тот наростил, борти Левиной машины всею на одну доску, но это даю возможность Леви крутить зерна почти на идеальную тонну больше. Кажется, совсем просто, но придумал это дело только именно Лева. Не мудрено, что перелопачивание вымолотки обшом комсомольца — я за посеюнию и за уборочную — первыми братья: переходящими: они прочно поселились в нашей бригаде.

Восбое Лева выстак на всякие выдумки по технической мысли. Что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

машины — мой «ЗИЛ» и безвощ, — пояснил Лева. — Получается вроде как два паровоза на железной дороге: один тишеет, другой толкает. Слышати скреда Я Лева Корольчик, пробуюю в свету колесо, а сзади по этой колее меня подталкивает мощный безвощ, удерживаю колелета Бондарчука, который всегда уверяет, что лучше не менять его, потому что теперь он, если и захочет, не сумеет отстать.

И Лева потряс железными хомутами винутельно, со вздохом.

Местестры Катя сказала: — Во станице Бондарча два километра. Вас же слышлет начисто. Даже подутьте страшно! — Страшно! — переспросил Лева. — Имейте в виду, Катерина Ильинична, что Лева — член ВАСМ, и в страшилке труднее! — единственно, но на что он не способен. Остальное Лева все может. Вот если колелета Бондарчук сарей-фига, тогда... — И он асыновым черными глазами посмотрел на шоферов. — Тогда... кто следующий, траднее пассажиры?

Костя засопел и сказал нашему мотористу: — Саша, я возмю тут длинный туапун. Ладно?

На этом собрание окончилось. — Уже через полчаса Костя подогнал вилотную к Левиной машине десятилетний безвощ, бубер к буберу, и Лева собственной рукой намертво загнула болты на хомутах. После этого Лева и Костя отъехали каждый, кто мог, шоферы — остатки горючего из своих машин, новарика Лева Каретникова — поавдера печеной картопки, местестра Катя — флагу со спиртом. Директор Егор Фомич вручил Леви документы на получение грузов. Ракушки моторы, заваялка, зашлепала цепи на колесках, и Левиная комбинация из «ЗИЛ» и безвоща исчезла в снежном вихре, а пробитую колесо тут же и замело у нас на глазах.

Эта чертова пурга крутила и крутила, казалась, конца ей не будет, ледую выпуклуты. Поганые мысли лезли в голову, все валалось и рушилось. И как-то незаметно притер друг на друга: почему пошол на риск именно Костя и Лева?

— Пронхл уже сутки, — сказала Серага Краванин. — Надо что-то предпринимать.

на работу. Даже и тут он ухитрился обставить своего соперника. А задаваться стал пуде пржего.

— Мы, — говорит, — покоролати безбрежной снежной целины. На нас смотрит вся страна. А я смею на нас, уважаема Катерина Ильинична, и хочу поднять один вопрос: как это вам удалось выехать из степи в сердце человеку, который из себя двух слов записать не может, а только permanently соплет? Да еще находится в объятиях Морфея, то есть дремлет чуть не полные сутки после обыкновенной увеселительной прогулки на станицу и обратно?

Впрочем, подобные вопросы Лева поднимал исключительно в присутствии Кости. За глаза он никогда не трепался со своим соперником и не предпринимал активных действий. Они и гуляли с Катей только вместе — один при другом, Выглядело это примерно так: идет по нашей широкоей совхозной улице светеловалоса, красивая Катя Куликова; слева от нее топчется коренастый Костя Бондарчук, а справа вышпавывает длинноногий Лева Корольчик. Он размашистыми руками и неизменно разглагольствует. Костя угрюмо молчит, а Катя лукаво пошевеливает губы, притрагивает уголок голубой косынки.

Так они гуляли несколько дней, а Катя в клубе встала. Есть такая поляка-тройка, да она девушка крутит вокруг себя двух парней. Мы все с интересом ждали: чем же это кончится? Должна же она какого-нибудь выбрать. Но Катя что-то не торопилась выбирать.

И тут произошло событие, которое, как сказал Лева Корольчик, «озменовало новую эру, неизданный расцвет и долых танцевальня». Лева и Костя выбрали бригадиром.

Хитрый Егор Фомич знал, кого порекомендовать на эти посты. Тут уж их соперничество обострилось до крайности. Больше того, оно стало кровным делом двух бригад.

— Выпнел! Выпнел за посеюнию! Неужели мы отдадим его этим, извильно, сопунам? — горчались Лева.

События не прерываемо называла работ из второй бригады, куда ушла от нас Костя Бондарчук. Бригада у него была сплошь «зеленая» — вчерашние дееспособности; они хвастались за работу горючо, но беспостало. Им,

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

шутка — отскаживаться в дощатых бароках в снежной степи, гредо зная: если в своем ближайшем время не попрыблать к станице — уйдет к нам все снабжение шло... тогда... Ну, лучше не думать, что будет, тогда? А как гудебульваеся однажды пурга. А тут, как назло, и продукты и горючка на исходе — у нас тогда еще не было ни настоящего безвощанриания, ни продовольственного склада. Ведь это же

Е С Л И Т Ы Н Е З А Б У Д Е Ш Ь...

Над прибором стоим.

И вы оба бьются за плечи.
На ладонной волне,

словно яхта,
колышется солнце.

Ты в глаза мне глядишь —
мой товарищ, жена, человек,
говоришь:
— Отстань!
И я говорю:
— Отстань
в этом городе старом.

Он весь из горячего камня,
однակых капшатов, туманов, легенд
и сказаний.
Я его, словно книгу, истрогал твоими руками
и смотрю на него, как читаю, твоими глазами...

В облаках мы витаем,
мы скакум из лета слетаем,
далеко забываем, назад не вернемся рискуя.
Хлеб ломаем, в туманах предутренних туман
и мотаям ступаем на влажную палку морскую.
Наши козаны, старик, утрачат видном нас в рыбной,
говорит:

— Не спишите, живите себе на здоровье.
Если вам хорошо, и на осень остаться можем бы.
Здесь счастливая осень...

Он весело дергает бровью
и сплетя говорит
о снахте приморских рассветах
и о том, что надоско не может познать однокско...

Однокщество пахнет россою,
травою и ветром
и рыбацкой палаткой,
на зорьке душией далеко.

Ты спойкова теперь,
все тревоги окончились вроде
с той поры, как с тобой
поселился мы в дедовом доме.

Если и загуржу:
— Что с тобой? — ты спросишь. — Волода? —
и ладони к щекам.
И я слышу: прохлады ладони.

Что отвечу тебе?
Я адмони теклово жуаю,
головою качаю, киваю на дымку морскую,
говорю:

— Ничего. Это просто с тобой памяту я.
Далеко забываем, назад не вернемся рискуя...

Ты смеешься:

— Так что же? Пальнем-то мы все-таки рядом!
На тревожишь, мой милый,
мы счастливый будем поскосуду...
Я тебе улыбаюсь.

Истречаю глаза твои взглядом,
говорю:
— Не забудешь?

И ты говоришь:
— Не забуду
старый город у моря,
что весь из горячего камня,
однակых капшатов, туманов, легенд
и сказаний.

Для меня он всегда
будет пахнуть твоими руками
и, как море огнем, наполнен твоими глазами...

Есан ты не забудешь,
останутся яркие зори,
не состарятся годы,
исчезнут ладонные будни.

Будет солнце гореть,
и покрываешь галька,
и море

будет вечно греть для меня —
если ты не забудешь...

Л О В Я С Е Б Я Н А С Л О В Е

Пока мы дышим, видим, бродим
и ощущаем силу плеч,
нет равнодушия в природе,
она полна цветов и встреч.

И я, ловя себя на слове,
припоминаю этот день,
когда, словно вальсачку слышно,
она в руках несла сирень.

Цветы качались, пахли тонко,
началась лебедь в облаках.
И шла, едва дыша, девочка
на тонких-тонких далавках.

В ней было что-то от сирени,
от шаровой свесты ее.

и фиолетово синели
глаза, выходя в забытые.

А сердце?
Где оно выпадает?

Ведет откуда и куда?
В нем Ятлу снегом заматает,
нимозой пахнет Ворукута.

В нем столько связей, взглядов, судеб,
что, равнодушие толки,
они впадают, по сути,
вселенной целой для тебя.

Ты сам ее распорядитель,
смотри же, друг мой, не забудь,
что страшно слышать или видеть.

словно: «Потом»,
«Когда-нибудь».

И вновь, ловя себя на слове,
и вспоминая этот день,
когда, свою надежду слышно,
она в руках несла сирень.

Пока о судьбах размышляла я,
предельно ясно для меня,
она прошла, она пропала,
исчезла в ступолке дня.

И, встреву эту вспоминая,
и опечален оттого,
что ничего о ней не знаю
и не узнаю ничего.

видите, установленный его в кузове обыкновенной автомашинки.

— Теперь это уже не обыкновенная автомашинка, — гордо сказала плотник Васяка Ефимов. — Теперь это «Ленин автомат» для загрузки семян.

— Говно, — подтеррала Сашка. — У скалда в этот бункер набросает семена агропозуричка — это обычное дело. Зато когда машина придет на поле, шоферу останется только клакнуть шпек — и, будуче любезны, семена из бункера посыплются в сеялку, как сапалуге зерно из комбайна в кузову машин на уборочной. Никаких грузчицко не надо: полторы-две минутки — и сеялка загружена.

Все посмотрели на Леву. Наш бригадир стоял, важно скрестив руки на груди. Лицо его было каменным.

— Теперь-то вылезла наш! — сказал Степка. — До чего же здорово в природе!

— Нечего и говорить, что с этим «Ленин автоматом» мы здорово выручим наших механизаторов. И хотя они, как обещали, прицепили к трактору вместо греха по четыре сеялки, все равно мы успеваем слаботать их семенами. За руль своего «автомата» Лева посадила безубогого Федерику: перешивая, мод, невиную симбаку, пригодились Федерику вошла в работу весело и спорно: сразу было видно, что этот парень равно приучен к труду. Работал он, как ганцевала, удаленно и стремительно. Черт его знает, каким образом, но он безошибочно угадывал, в каком месте на

поле кончатся семена в сеялках. Именно в этом месте он и появлялся с «Ленин автоматом». Завидая его, дельчата кричали: «Федерику, помочи-ко!» И он загружал сеялку прямо на ходу, ни минуты потерянной. Друзьям-ли какой-то, он готов был работать круглые сутки. Но тут уж Лева был непреклонен: «Автоматом».

— Все-таки гость, иностранец. Надо — дипломатско.

И, когда наступала вечер, Лева, несмотря на бурные протесты Федерику, отправлял его на отдых в усадьбу вместе с «автоматом».

— Автомату тоже требуется передышка: смажь его, проверь. Чтобы утром был, как стельчишко. Одним словом, профилакцатко. Поинтересуйся!»

Светило солнце, бмстеман звездам, пахло весной и отработанным бензином. Может быть, пели птицы, мы их не слышали. Мы слышали рев моторов и Левину ругань. А когда наконец наступило первое затишье, мы услышали невероятную новость: эти «сопутны», вчерашние десятиклассники, эти зеленые молокососы...

При равном количестве заделанных гектаров они на четыре часа раньше нас закончили сеять.

Когда мы вручались в клубе награждать народу — не протолкнулись. А тут еще секретарь обкома комсомола предоставила слово нашему бригадирю.

Лева поднялся на сцену, прохаживаясь в кулак и объявляя ни к чему ни к гордо: — Извиняюсь...— Выпновато посмотрел со сцены в нашу сторону, он сказал: — Можете

убить меня, ребята, или еще хуже — выпнуть из бригадирю. Я сам отдаю чертес своего автомата Костя Болондурку. Только не могу я понять, почему они все-таки нас обставили!

— Костя заснепа и встал с места.

— Спасибо тебе, что присылаю кубинка. Как только наступала вечер, он к нам в бригаду являлся на попутку с твоим автоматом и до сета вкапывал. Вот как.

Лева широко разинул рот, но ничего не сказал, только ошеломленно взглянул на Федерику.

А Федерику расхохотался. Он показал пальцем на Костю, потом на Леву, потом ткнул себя в грудь.

— Палка-тройка. Соревнования. Дружба, мир!

В зале засмеялись. Громко зашумевшими, потребовали, чтобы на сцену поднялись и Костя и Федерику.

Наш друг Федерику Баррера теперь уже вернулся на Кубу. Он частенько присылает нам письма, и мы отвечаем ему коллективно. Костя Болондурку и Лева Короманчук соревнуют до сих пор. Но Катя Кузнецова тут уж совсем ни при чем: в нее оказалась жених в потрагничатко. После демобилизации он приехал работать к нам в совхоз. И اسمه закончилось сплетнички не смогла ему сказать про Катю ничего худого, потому что Катя, Лева и Костя всегда гуляли только вместе. Они даже и ганцевала втроем. Есть такая танец — палка-тройка.

МАМА ЕСТЬ

И. ПЛАН

«Пороки редакции!»

Недавно мне попался на глаза старый номер «Смеши». Прочитал его от корки до корки, кроме статьи «Твое место в жизни». Она была написана мелким шрифтом. Да и была под рубрикой «Обзор писем читателей». Огля, думаю, какая-нибудь философия на жесткие темы. Но так получилось, что кишке под рукой не было, и я начал читать эту статью. Просмотрел сверху с пятно на белом. Заинтересовался. Вернулся к началу. И вдруг я понял, что эта статья обо мне. «Фамилия моя — Челевелевич. Звать — Борис. Недавно мне исполнилось 25 лет...»

Письмо написано на листе вырванных тетрадных листках. Видно, дурака вынуживали писать только о журнальной заметке, а получилось, что рассказываю свое самое личное.

«Окончила восемь классов. Почему так мало? Не потому, что не хотел учиться. Просто была некогда. Я путешествовал. С детства привык меня посматривать разные города, людей. Вот с этого и началось».

Для начала проехался несомало по Средней Азии. Показало этого мало. Добрался до Сибири. Там же манером «изучил» почти всю Сибирь. Короче говоря, много намотал километров. И по земле, и по воде, и по воздуху. В Курганской строил ГЭС, в Памирских горах был чабаном, в юре Лангевых — рыбаком. Водным транспортом проехал по всей Лене, а с Е. Неверов до Алдана — на автомашине.

Увлекала меня романтика. Думал: ну, и что дальше? Каждый раз новые места, каждый раз новые специальности. Был и медиком, слесарем, мотористом, шофером, крановщиком, токарем... Так мучительно теперь все это пережить!

Надолго скатался, ок, как надело! А в отделе кадров твою трудовую книжечку листают бездельно — летчик. Романтика давно прошла».

Доштал я письмом до этого места и остановился. Романтика...

Прочитанные в детстве романы Майн-Рида, Луи Буссенара будили страсть к путешествиям. Стал взрослым, им много забавил из книг детства. В памяти остались все бесчисленные вояжи, поиски, предприятия. По привычке мы связываем бесконечную смену мест и постоянное ожидание приключений с романтикой. Вот и Борис назвал свои скитания словом «романтика». Прав ли он? Едва ли много, много видел. И приключений, вероятно, было достаточно».

О романтике много спорят. Один говорит, что главное в романтике — эстетика, другое — красота, третья — трудность. Мне же кажется, это прежде всего цель.

Знал я одного такого парнишку. Звали его Юркин. Он мажорно борлся, но вынужден километрами, вероятно, немногим меньше его. Познакомился я с ним в Одесском порту. Должны были Юркин жить в Одессу. Ехал он сюда из далекой омской деревушки. Денег не было. И предложил парнишке по пути остановиться, подрабатывать на железнодорожный билет. Был он и плотником, и штукатуром, и слесарем. Завертелся в трудовой книжке шпателью. А ехал Юркин в Одессу к известному матросу. Это в 1942 году погнб Юркин отец — черноморский матрос. Вот и явился Юркин в Одессу.

И добился своего. Через пять месяцев добрался-таки до Черного моря. Долго стоял у маятника неизвестному матросу, а потом пошел поступать в «мореходку».

И вот тут-то натолкнулся Юркин на скучного «адама», который, посетовав его трудовую книжку, отказал парнишке. Потом еще один отказ услышал он в управлении порта, куда пришел заниматься на работу. А потом было еще много скучных «адамов».

Драго ходил Юрка за ребятами в «морской» форме. Но, в конце концов, махнул рукой и сдружился с «огольцами» с базара. И кто знает, как сложилась бы Юркина судьба, если бы он одолевал и не попался на глаза секретаря комитета комсомола порта Жора Коновальчуку. Поговорили они друг с другом «по-морскому». Жора сказал: «Прав, Юрка, раз отец у тебя здесь погнб, значит, должен ты быть моряком. До настоящего моряка ты, правда, еще не дорос — годик не вышел. Поэтому попробуй устроить тебя на первый случай разнорабочим в порту».

И Жора долго просил сначала началька отдела кадров, затем вывел парня, чтобы Юркин занял подобным рабочим.

Сейчас Юрка самый счастливый на земле человек. Я встретился с ним в комитете комсомола порта. Невесомого роста. Скулатое лицо. Высокий лоб. Улыбка меня — широко улыбнулся. Все одно звикаю один улыбающийся рот. Курносый нос сморщился. Маленькие глазки исчезли совсем. Юрка первый раз в жизни говорил с корреспондентом и был из-за этого невероятно торжествен и преувеличенно рад. Но когда я сказал: «Послушай, Юрка, все-таки ты романтик. Ведь ты родился в тайге и отмахал добрых три тысячи километров, чтобы добраться до Одессы», — Юрка обделался: «Вот ты так говоришь! И не ради романтики сюда приехал. Мне работать на море надо. Ты не любишь море. Идем!»

...Мне перешигивали через какие-то проемы, слышал крики мальчишек. Потом сразу стало холодно.

Море... Юрка, как захарованный, смотрит на берег и на черную воду.

— Ты знаешь, тихо говорит он, — когда мне трудно имя обдумать, я плачу и морю. Оно слышно... это море. Я люблю все слышно.

Он так может стоять и смотреть часами. Вдруг он неожиданно вскрикивает:

— Смелый, вы огонь на воде!

— Нефть горит!

Он смеется.

— Эх ты! Если бы горела, то отсвет был бы.

Это от иллюминатора ограждения.

— А ты плаваешь на корабле?

Он задумался.

— Не, я даже на лодке не плавал.

— В его владке совсем нет огорчения. Какая-то внутренняя радость живет в нем.

— Чему ты все время радуешься? — спрашиваю я его.

Улыбка снова покрывает все Юркино лицо.

— Буду я моряком, — говорит он убежденно. — Буду! Как отец!

И я верю: будет Юрка моряком, обязательно будет. И не потому, что он издалек произносит такие слова, как дебаркадер, рейд, капитан. Нет. Просто мне легко представить его подлинником плавли или, скажем, строителем в каком-то староморском порту. Или упорство, с которым он явился в Одессу, вынес простого очарования моря. Ведь цель его жизни — заступит на место погнбшего отца. Эта цель восторгу романтична.

Вот и сейчас Юркин не так романтик Бориса — шель. Поэтому он сейчас так остро чувствует талость своих скитаний. И, кажется, уже понял, что в жизни должно быть нечто боль-

нее, чем только заработки на пропитание да на билет до следующего города.

«Время идет, а жизнь моя по-прежнему стоит места. Я не хочу больше ездить, хочу учиться, заниматься любимым делом. Но как это сделать? Как удержаться намертво? Ведь я не всегда был такой, как сейчас. В детстве учился в школе, был пионером, комсомолец, комсомодем. Все время был среди товарищей. Теперь я никто. Меня очень задела ваша статья «Твое место в жизни. Нет его и меня».

И, пожалуй, второе, чего не хватало в жизни Бориса, — это встречи с интеллигентом, чутким человеком. Ну хотя бы с таким, как Жора Коновальчук. Ведь не подержи он Юркин, не переспорит начальника отдела кадров, сбился бы парнишка с пути, не скоро нашел бы место в жизни.

И понимаю, что романтика не входит в круг обязанностей директоров и начальников отделов кадров. Но ведь именно к ним приходится определять свое место в жизни, или, говоря простыми словами, «направляешь на работу», такие парнишки, как Борис и Юрка. И вот от того, насколько мудро разберется один в движении юной души, зависит, станет этот парнишка человеком или нет.

Ах, у Бориса не было цели в его скитаниях. Могла бы по городам и весям, закулиса его дороги. Один город, другой — не понравилось. Одна профессия, другая — не подошла. Но ведь за всем этим стоит «а что дальше?», то есть естественное для юности стремление узнать мир, в котором тебе жить. «А что дальше? Дальше-то наверняка интересней, романтичнее...» И выкручивает парнишка километры в дороге за открыткими, в погоне за романтикой.

И тут мне вспоминается еще одна история становления мальчишеской души. История Алёка Громова. Начал он свою жизнь беспартийным. Испробовав все профессии — от шорника чайного анста до лесобруа. В одном из городов закончил ремесленное училище, стал общинником. Начал строить набережную в Минусине. Но понравилось, переменял специальности, стал крановщиком, потом монтажником. Так он попал в Николаев. Работу нашел здесь быстро. Принял его на строительство ульянского склада большой ГЭС.

...Расширялся две огромные ульяны, стоят над горами утяг кран-перегружатель. Монтажеры. Рабочие склада каждый день с монтирующей поглядывают на совокупные пока черности графика. Угаль все еще натурально кружком на небольших экскаваторах. Под краном ходит главный инженер Александр Леонидович. Задрав голову, он кричит Алёку:

— Ну как, тезка? Скоро уезжай!

Алёк свернул взгляд широко, невозможно плывущее лицо главного инженера. Такое выражение придала ему навсегда вздернутая лбом вышним рванением бровь.

— Уезжай! — весомо отвечает Алёк.

— Прощай, прощай!

Главный инженер направляет Алёку. Он и другим рабочим нравится. «Человек» — уважительно говорит о нем. Не хочется Алёку расставаться с главным, да, может, работу по-прежнему открывался!

— Чего же ты хочешь? — спрашивает его уже в кабинете Александр Леонидович.

Тон, который задал вопрос, располагает парня к откровенности.

— Вым делю! Вам эти бланк нравятся...

Тут главный доверительно набивается к парню. Равенная бровь его ползет выше.

— Глупый ты человек! Мне в тельсворе

приятно похлопала. Ты думаешь, ради чего я и констатирую посыл? Ради славы?

— Такое открытие для Алки неожиданно. Он не понимает, но я шутит Александр Леонидович, то ли всерьез говорит.

— Вот возбуду эту историю — как памятник себе поставлю. Но из города выдать люди будут спрашивать: кто строил? Главный инженер такой-то...

— Шутите?

— В часек памятник? Нет, брат, серьезно. Лет-то мне много, умру скоро. А ты камень пусть увидит на могиле! Посадишь что-то хочешь. Лучше предать, чем ТЭЦ видеть? Вот тоже как памятник по себе оставлю.

— Я тоже пишу, может быть...

— Алки видят, как искривленная бровь ползет к переносице.

— Врешь ты все. От безовая, у тебя это. Бедь ты не едешь по городам, а, если уж по-повальному говорить, отсутствуешь... А ты не работ, ты дело большое ищи.

Александр Леонидович встает и, не глядя на Алку, начинает искать в карманах папирсы.

— Куда ж ты идешь, на вот?

— Я не уверен, что совершенно точно передаю слова главного инженера. Да и, возможно, не в одной беседе было все это сказано. Разговор этот передавай мне сам Алки значительное место может, что и напишу.

Может, краша бы закончен через два месяца, досрочно. В местной газете появилась фотография — своеобразное перелетание стальных ферм. Не читатель, может быть, и разобрал, что это такое. А вот Алки бережно вырезал снимок и положила на дно своего чемодана. Вы-то поняли. Сам строил. Первый его след на земле.

Второй год работает Алки Громов монтажником. Недавно его избрали комсоргом управления.

Я перечитываю письмо Бориса. Много профессий было в его жизни. А много ли дел? Он пишет, что работал на ГЭС. Но закончил он ее? Ни строки об этом в письме. А ведь только большое, важное дело может остановить его порхание по жизни. Большое дело и чужие люди, такие, как Жора Ковальчук и главный инженер Александр Леонидович. Только тогда обретет смысл кака-нибудь из десяти его профессий.

И люди должны ему в этом помочь... Вот еще строки из его письма.

«...На последней работе порукался с начальником. Работал в аэломонтажниках. С одного моего товарища неправильно высчитали породоуловку сумми денег. Я выступил. Мне ответили: «Не судись не в свое дело». Я продолжал упреждать. Вот тогда начальник и предложил мне подать заявление. Что мне оставалось делать? Уволился. Фактически ведь он вынудил меня, а в трудовой книжке (то вторая и меня) записано: «Уволился по собственному желанию». А мне вовсе не хотелось увольняться и куда-то опять ехать!»

Борис не пишет о названиях строки или завода, где это произошло. На конверте только почтовый штампель: «Пос. Депутатский, ЯАССР». Не упоминает он и фамилии начальника. А мне бы хотелось его видеть! Мне бы хотелось посмотреть на человека, который небрежно писал трудовую книжку, нашел чистое место и равнодушно расписал там. Однако росчерком пера погнал парня дальше по далекой дороге скитаний.

А ведь точно такие же чиниши побасе любил поговаривать и на, мям, замолде пошла.

— Двадцать четыре отменил я насчитал в трудовой книжке Александра Максимино, которого, как и Юрку, встретил в Одесском порту.

Он старше Юрки года на три, но по опыту годится ему в дедушки. Двадцать профессий — от осветителя на киностудии до ассенизатора.

В порту он каялся, что останется здесь навсегда. Но на третий день сбегал от маленькой невесты.

— Может быть, и не правым был портовик, отпустил его. Но их трудно винить. За эти три дня Максимино успел достаточно насолить бригаде: кого-то оскорбил, что-то украл. Я видел его: трусливый, бегущий взгляд, на лице — выражение восточной жалобы, в голосе — истерические нотки. Парень, в общем, сломен окончательно. Через некоторое время он стигнул в темной компании на вокзал.

Я уверен, что Борис не опустится там, как Максимино. Само его письмо в редакции тому порука. Но все же условия, в которых он жил, дали свои плоды. Вот строки из его письма:

«Плюс ко всему моя физиономия. Вы не смеетесь. Я одним видом внушаю человеку недоверие. Разговаривая часто с человеком, а он смотрит на тебя так, словно увидителся, как таких земля еще носит.»

Чтоб так писать, надо очень сильно свякнуться с мыслями о равнодушии людей (а две заключенные трудовые книжки дают к этому достаточно оснований). От мысли о равнодушии один шаг к озлобленности. А не озлобленность ли делает человека преступником?

Я миста потогреть, выдвинутой на стиге трудовую книжку Максимино, оставшуюся в отделе кадров. Такая же, вероятно, и у Бориса. «По собственному желанию», «по собственному желанию», «по собственному желанию»... И подлиси, от которых неспит в глазах. Десятка подлиси, двадцатка... А ведь когда ставились эти первые безобразные резолюции, Максимино еще можно было спасти. Если можно было остановить его бет, отказать подлинную романтику жизни, как это сделал в Николаеве главный инженер. Но тут никто и не попытался. И в трудовой книжке появились одна за другой записки: «Уволен по собственному желанию». Двадцать четыре записки...

Да, конечно, в круг служебных обязанностей директоров и начальников отделов кадров романтика не входит. Они заняты производственными планами. Но ведь в великом плане коммунистического строительства немалое место занимает и воспитание человека будущего общества. Создание материальной базы и воспитание — единый процесс построения коммунизма в нашей стране. Вот почему руководители предприятий и строки, куда приужают в погоне за романтикой Юрки, Алки и Бориса, не имеют права быть росчерком пера неречерчивая судьбу молодого человека. Мудрость своей, своим жизненным опытом они должны раскрывать перед этими парнишками истинную романтику наших дней — романтику создания коммунизма.

Лев КУКЛИН

КИ ТО Б О И П Р И Ш Л И

По Одессе, по праздничной звонкой Одессе
Прожегали мальчишки — так, что уши в пламя.
Знают в каждом дворе,

знают в каждом подъезде:
Китобои пришли, китобои пришли!

Возвратился из рейса флотинг «Сава»,
В шпрангах многих шитортов,

в соли многих морей.
Китобоем сейчас представляло слово.
Ах, как парня ждут по Одессе своей!

Патинаде лапы к ним тянут каштаны,
И платаны приветливо шлепают.

Он приносит жемы музейам долларовой валюты,
Холостым — модавские монетки алыст.

Моряки непреклонны: — Ах, девочки, бросьте!
Для любви, мы заметим,

поскода не та...
Приходите спокойничко ветером в гости —
Угостим маринированым ужом Кита...

Все газеты им нынче стижки посвящают,
Ждет их добрая звезда,

ждет вино на столе.
Их внимание Одессы немощи смущает,

Их качает еще на забытой земле!

Ах ребята, ребята!

Работа какая
Их мотала в солевой и синей дали!
Потому-то другие рядом с ними смолкают.
Китобои пришли, китобои пришли!

Как знаком им теперь атлантический порор!
Полпаныты лежало у них за кормой.

Котегары, котегары,
раздальнички туш,

гаргарины
С океанской работы вернулись домой.

О работа, работа!
Ветер скуды им вытер.

Смена дилалса погода.
Не каждый бы смог.

Парень снимет в прихожей кейтгуевский свитер,
Щелкает в тихой квартире французский замок...

Дно хозина старая рыхлая кошка
Доло-доло еще не признает сканьки.

Загорится оранжевым светом окошко.
Китобои пришли...

Я заведу юв.

ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ

Телефон-автомат удивительно просто
Укрепите на уровне среднего роста.

Попробите, поройтесь в своем кошальке.
В две копейки монетки совали в ручке
И зайдите в стеклянную будку,

зайдите,
И, как дети в копилку, в автомат опустите...
О спастелье влюбленных,

телефон-автомат!
Мы не станем вращать его диск наугад.
С легким треском прокрутятся нужные шифры,
Чтоб сложиться в особые,

мудрые шифры.
И за сотнями улиц, далеки-далеки,
Утомительно долгие стают угад...

Я на медную мелочь смотрю удивленно.
О, как нынче легко сообщаться влюбленным!
Телефон-автомат

им особенно ред.
Можем мы говорить три минуты подряд
И сказать: «Дорогая!»

Как порой бы надорого платим за слово!
Две копейки... А ждем — поворота в ступале.

Телефон Телефон, телефон — сванисбо тебе!
На угау,

у знакомому мне автомата,
Я стою и замучию и виновато.

Вот и будка свободна, и много монет.
Только адреса нет... Только номера нет...

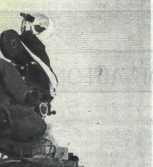
СССР НА ПАМЯТИ ИЗМЕНЩИХСЯ

Монтаж — один из ответственных моментов создания фильма. Вот почему режиссер по монтажу В. Массин так внимательно следит за работой Л. Князевой.

ЭКСПУРСИЯ «СМЕНЫ»

Репортаж М. МУРАЗОВА

Чтобы выбрать наиболее удачную точку съемки, оператор иногда приходится забираться на большую высоту.

В перерыве между сьемками можно и перекусить. Кухонная «епитрпезья» — самый обычный продовольственный магазин.

А о снх пор никому не приходило в голову подсчитать длину коридоров «Мосфильма». А между тем сделать это было бы не бесполезно — как предостережение тем, кто легкомысленно решится на такое путешествие. Помнить это расстояние полезно под силу только хорошо тренированному человеку, но и то лишь в том случае, если он абсолютно лишен любви к труду. А ведь интересное встречается здесь на каждом шагу.

«Мосфильм» — это город. Сами настоящие, современный город, и притом, если выразиться географическими терминами, густонаселенный. На территории в 30 гектаров высятся здания самых разнообразных видов и назначений. Кан и во всяком городе, есть на «Мосфильме» своя, только ему присущий ритм жизни. Никто не скажет, что жизнь здесь течет размеренно и спойноно. На первый взгляд все может показаться бессистемным и лицепным свисаю. Но это на первый взгляд. Ну что ж, чтобы привыкнуть и увидеть в этом сиячущем, стремительном ритме логичную логику. Не что, подобное происходит, когда входим в темное помещение и взгляд, постепенно привыкая к темноте, начинает все видеть и отчетливее видеть предметы.

Уже во дворе поразит удивительное смешение веков и народов. Все это здесь мирно сосуществует.

Поначиваясь на ресорсах, размеренно катят динжиски, а на них передвигались первые поселенцы Нового Света. И тут уже с грохотом разворачивается «Т-34». Развалился на садовой скамейке, маломошновский народ вынужденно читает свежий номер «Правды», а его соседи в костюме мосманята пьет нефир.

Таких контрастов можно увидеть, конечно же во дворе «Мосфильма». Но это, так сказать, внешняя сторона жизни индустриального. Главное — в павильонах...

- Внимание!
- Грнготовились!
- Мотор!

В павильоне и в ополсывающих его коридорах загорается многоцветная транспаранты с надписью: «ТНХО! СЪЕМКА!».

Оператор привал и глазу замирает. Звук ее не слышно: камера одета в специальный пластинчатый скаффанд. Вся съёмочная группа, кроме антеров, замирает. Яркий свет промоторов, льющийся отовсюду, выхватывает из гигантской темноты павильонную небольшую съёмочную площадку, где идет сцена. Сейчас это центр. Сюда направляются объективы. Сюда устремлены глаза соритов и людей. Сюда

привлаено внимание. На несколько секунд.

Антер в ностовые матроса должен прозвонить всего лишь одну фразу: «Внимание роковая, прощай!» Резко звучит голос режиссера:

— Стоп!
Выключаются моторы, в павильоне и в коридорах гаснет световая сигнализация. Участники съёмочной группы переговариваются. Промоторы выключаются, записывают номер дубля и условия съёмки. Яркий свет промоторов антера, который ударивает грим, который начинает лосниться под светом промоторов в несколько тысяч вольт. Режиссер подходит к антеру и что-то объясняет ему; в микродина, с которой были прозвонены эти три слова, он услышал «непривет».

— Снимаем еще раз. Внимание!... И опять несколько секунд неприкосновенной тишины. Яркий свет промоторов. Неслышно, где-то в центре со скоростью 24 кадра в секунду бежит пленка. «Внимание роковая, прощай!»

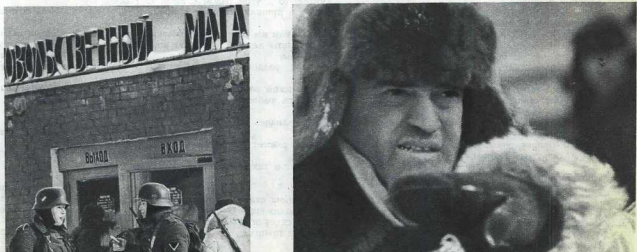
— Стоп!
Что касается «измененной правды», на этот раз все в порядке. Режиссер поворачивает. Но силившийся над пультом звукооператор просит повторить все сначала: в фонограмму проини постановочный. Спокойно, размеренно готовят новый дубль.

Снимают.
Теперь, кажется, все довольны. Привыкая во внимание все замечания режиссера и оператора, сияет еще раз — на всякий случай. Затем бонс с пленкой отправляют в лабораторию. Завтра можно будет посмотреть отснятый материал, из пяти дублей выбрать наилучшие и техническим показателями. А может быть, придется переиснять все снова.

Весь этот долгий труд нескольких десятков людей в павильонах — ради нескольких секунд измененной правды на экране. В кинематографе искусство складывается по иррипции. По секундам. Оставшаяся работа, то, что веселая буднично называется «производством фильма». Но, как видно, это название довольно точно определяет положение вещей.

Мы рассказываем о том, что происходит в одном павильоне «Мосфильма», где заканчиваются съёмки инфоформатного фильма «Смена павильонов на студии десять». Это огромные высокие помещения, нечто напоминающие здания военных заводов. Здесь возводятся декорации будущих фильмов. Здесь идет основная работа над ними (примерно 60 процентов картинки снимается в павильонах).

Но «Мосфильм» — это не только павильоны и павильоны. Вдоль

ГРАД ГОРОДУ

бы не путешествовали экспедиции студии. Заполярья и среднеазиатские пустыни, Памир и сибирская тайга, Хокотское море и Кавказское побережье — всюду побывала камера «Мосфильма».

Еще это несколько дней пусстует павильон, закрепленный за группой картин «Они шли на Восток». Сейчас группа снимает зимнюю натуру под Можайском.

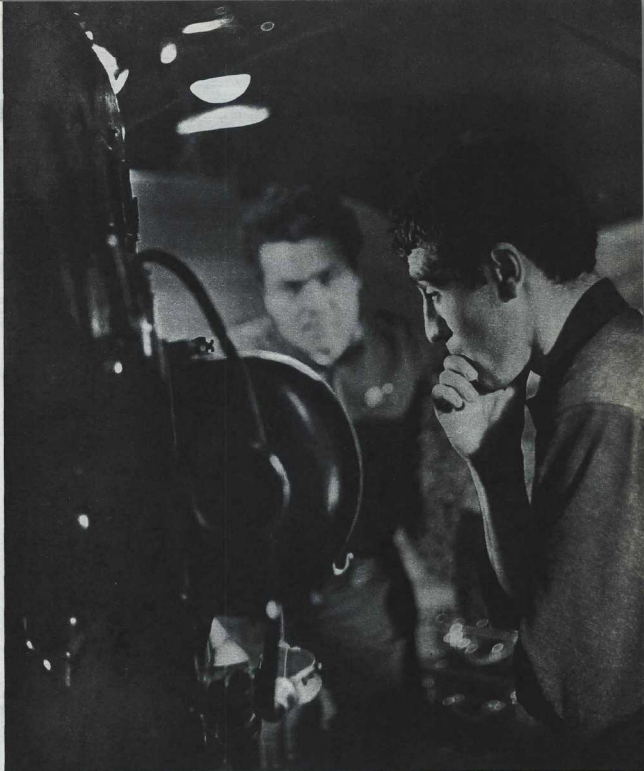
«Они шли на Восток» — советская постановка советских и итальянских кинематографистов. Это фильм о вучительном прозрении итальянских солдат, посланных Муссолини завоевывать русскую землю, о том, как в боях у выветрившейся фашистской дурман. Сценарий написан Д. Де Сантисом, В. Де Йончини и С. С. Смирновым. Ставит фильм Де Сантис, хорошо известный нашим зрителям по многим фильмам. В картине заняты советские и итальянские актеры.

С работой группы «Они шли на Восток» мы познакомимся на следующем поле во время съемки сложной и очень интересной массовой сцены.

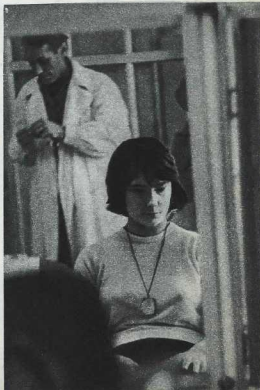
В своем фундаментальном фильме Де Сантис похож на воляркина. Мы наблюдаем за режиссером. Он стоит возле камеры, следит за происходящим. По огромному полю идут солдаты, оставляя на снежной целине глубокие темные следы. Горит мельница. Несколько минут Де Сантис спокойной смотрит. Но это продолжается недолго. Ему что-то не понравилось. Де Сантис становится итальянцем. Он снимает с руля большую русскую варенику и начинает быстро, с присущими только итальянцу вниманной и жесткой интонацией, что-то говорить переводчице. Затем снова надевает варенику и вымученно молчит. Переводчица, по-прежнему, передает команду: она эхом раскатывается по всему съемочному полю. После долгих приготовлений съемка начнется снова. Надо торопиться: зима — день короткий.

А в тот самый момент, когда в поле под Можайском горит мельница и в морозной дымке движется колонна солдат, и вся группа следит за вареникой Де Сантиса, в теплом павильоне студии идут съемки фильма «Полустанок» по сценарию молодого писателя Р. Погодина. У камеры режиссер В. Барнет и оператор С. Полуянов. Идут съемки сцены в деревенском доме, Антеры И. Румицкая и В. Меркурия ведут диалог. Он станет частью фильма, который вы скоро увидите.

Здесь мы сознательно занимаем наше путешествие по киногороду, потому что оно может продолжиться бесконечно — в любое время года, в любую погоду...

Немало забот у молодого режиссера Э. Косыгина: картина «Сильные люди» — его дипломная работа, и хочется сделать ее поинтереснее.

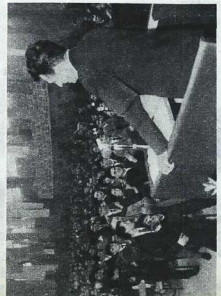
В этом фундаментальном одеянии итальянский режиссер Де Сантис надежно защищен от суровой русской зимы.

В советско-итальянском фильме «Они шли на Восток» Т. Самойлова исполнил одну из главных ролей.

ДЕВИЗ СЛЕТА-БОРЬБА

ФОТОРЕПОРТАЖ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА П. СМОЛЕНСКОГО

Выступает Ролин Леруа, секретарь ЦК ФКП.

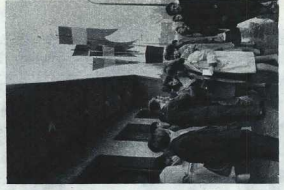
- В университетах Франции лишь 3 процента студентов составляют представители рабочих и крестьян.
- Каждый второй юный прохожий работает в возрасте 14 лет.
- В 1962 году 120 тысяч подростков не смогли попасть на учебу в школы профессионального обучения, в то время как Франция испытывает острую нужду в технических специалистах.
- Зарплата двенадцати рабочих на 20-30 процентов ниже, чем у взрослых, выполняющих ту же работу.
- По количеству официальных документов, посвященный молодежи, Франция имеет 600 страниц в месяц. Большинство докладов конференции забывают 200-250 франков.

Первый доклад.

Для послеполы бортов.

Тысячи молодежи французского приехали в Шуваль-ле-Руа.

В конце января в парижском пригороде Обервилье и Шуваль-ле-Руа собралась, создала по инициативе Союза коммунистической молодежи и ряда других организаций Национальная конференция молодежи. Это был первый шаг к созданию большого и серьезного разговора о судьбе молодежи молодого поколения Франции, его жизни и работе, его требованиях и мечтах. На конференции были приняты резолюции, в которых говорилось о 300 деятелях, представляющих рабочие профессии, 56 департаментов и 73 профессии.

СОТЯ И СТО ПЕРВАЯ

В ЭТОТ ВЕЧЕР В МОДЕЖЕЖЕМ КАФЕ С ЛАСКОВЫМ НАВБА-ИЕМ «ЗУЛЬБЕНА» СОВ-ШАВСЯХ МОЛОДЕЖЬ НАХ ВРИГАД СОЦИАЛИ-СТИЧЕСКОГО ТРУДА. У НИХ БЫЛ БОЛЬШОЙ ВРИГАД В ПОДЪ-СКОЙ СТОДИЕ ПЕРВА-ЛЕНО ЗА СТО. СЛУЖ-

СПРЕДПРИЯТИЯ ПО ПЕР-

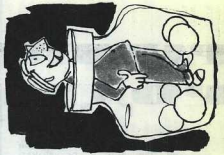
РАБОТЫ РАБОТНИКА РАБОТНИКА НАПР-ЖЕНИЯ. ВОТ И ПРИ-ШЛОСЬ ПОДРАЗВИЛО. СРАЗУ ДРУХ КОМБИРО. РОДСКОГО КОМИТЕТА СО-ЮЗА СОЦИАЛИСТИЧЕ-СКОЕ МОЛОДЕЖИ ВАЛЬ-ДЕМАТ КИ СЕВАКОНСКИЕ РАБОТЫ ВРИГАД СО-РОМЫ ТРУДА ПОЧТИВЫЕ ЗНАЧИМ. А ПОТОМ ИХ СЕРВЕЧНО ПОДРАЗВИ-ТОВАРИЩИ.

ОТ РЕДАКЦИИ «ГЛОБУСА»

Редактору «Миссисипи», студентской газете Университета «Оле Мисс» в Оксфорде, штат Миссури 8-У. Мы рады приветствовать вас в «Глобусе». Он исходит от университетских студентов. К мисс Сидней Бауэр — так зовут редактора — собираются применить самые лучшие навыки. Мисс Бауэр Оказывает, она назвала саварамми студентов, устроивших расистские демонстрации в связи с поступлением в университет negra белых студентов. Она назвала саварамми дава один столлик с Мердретом в университете, протест, что мисс Бауэр совершила инстин-Редакция «Глобус» выражает свое восхищение мужеством девушек и студентов, выходящих против расистских прива своей страны.

ПРОФЕССОРСКАЯ «ПРИЛЮЛЯ»

Приветствие от автора «Глобуса» (СПА, штат Миссури) 8-У. Мы рады приветствовать вас в «Глобусе». Он исходит от университетских студентов. К мисс Сидней Бауэр — так зовут редактора — собираются применить самые лучшие навыки. Мисс Бауэр Оказывает, она назвала саварамми студентов, устроивших расистские демонстрации в связи с поступлением в университет negra белых студентов. Она назвала саварамми дава один столлик с Мердретом в университете, протест, что мисс Бауэр совершила инстин-Редакция «Глобус» выражает свое восхищение мужеством девушек и студентов, выходящих против расистских прива своей страны.

Эти студенты мучительную борьбу, когда бурная эпоха...

Stamatsch del

ПОДАЛЬШЕ

ОТ ЛАНГ

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ ЛЕНКИ

РАССКАЗ

Юрка мечтал о киноаппарате несколько лет, по книжкам изучал достоинства разных марок и мог подробно объяснить, чем японские лучше американских. Но купил он отечественный «Кварц»: на него хватило денег, а ждать дальше у Юрка не было терпения.

Впервые «Кварц» работал на свадьбе нашего друга. Рядом стрекотал еще один аппарат, получившая вполне кинофицированная свадьба. Затем Юрка снимал московские улицы и пригород, а в отпуске — побережье Черного моря. Что получалось, пока неизвестно: у Юрки сейчас нет денег на просмотр, зато есть тетрадка с записями, при каком освещении и диафрагме шли съемки. Он уверяет, что у него накоплен опыт.

Мы давно с ним не виделись: сначала виноваты были отпуски и командировки, а потом приехала Аляшка. И не было разговаривать, какая она, мы меньше слышим субъективно, но вот Юрка сказал, что она приехала из Нижней Грины. Он увидел Аляшку в последний день перед ее отъездом и сразу захватил за свой аппарат.

Он снимал, как она идет по улице, как стоит в очереди за пирожком, как ест его. Он считал, когда она идет на лестницу и бежала с нее, снимал, как она улыбается и как смеется, как бродит по аллеям парка и стоит, прислонившись к березе. Потом Юрка был на свадьбке, снял парижак, завернул в него камеру, пропуская руки с обратной стороны в рукава и начал снимать пленку. И сверху накинул еще свою куртку, чтобы пленка не засветилась. Это было очень важно: ведь Аляшка уедет, и нельзя будет снять ее заново.

Снова стрекотал аппарат, лоял Аляшка в перспективе и крупным планом, Аляшку одну и Аляшку со мной. Потом мы привезли аппарат к дереву и пошли к нему зрелым с очью независимым видом. И снова Юрка снимал Аляшку с книжкой на скамейке и просто так. А я смотрел и думал: «Аляшка уедет, купит себе провостер и экран, погашу в комнате свет, устрою в кресле, и завтра моей оптикой будет Аляшка.»

Очень плохо. Осталось всего метров неогнотной пленки. Юрка подошел: «Жаль, а завтра не смогу быть на аэродроме, фильм получается незавершенный.»

По Юркинскому замыслу, надо было бы звать, как Аля сидит в самолете, как самолет улетает и еще самолет в небе. Мы решили, что с этой задачей могут справиться и я. Я повесил камеру через плечо. Аляшка явно хотело, чтобы фильм был завершенный, наверно, все девушки любят сниматься. Иногда мне кажется, что даже «Бегущая по волнам» с удивительным юртливым блеском снимался перед киноаппаратом.

Юрка ушел. Мы долго бродили вдвоем, бродили молча. Все было сказано раньше; мы знали: вполне разумно, что Аляшка уезжает, иначе нельзя. Потом Аляшка пришла спать, а я возвращаясь домой по пустынным улицам и думаю: как хорошо, что скоро занесу, а в жестяной коробке киноаппарат со мной останется Аляшка.

На площадке Ревлюции, в помещении Аэрофлота, где регистрируют пассажиров и принимают багаж, нам сказали: «Провозающих автобус берет, если остается места, однако рейс полный, прощайтесь здесь, чего тягаться в автобусе.»

Навряд ли я не мог поехать, оставаясь люди в конторах и магазинах, в столовых и на вокзалах точно знают, что должны делать то, кого им поручено обслуживать.

Мы встали в очередь на автобус, гадая, хватит ли для меня места; если нет, фильм останется незавершенным. Мы обслуживали своим положением, и тут оказалось, что рядом стоит мой знакомый.

Во всех справочниках указано: Москва — многомилионный город; но вот что в Москве можно не встретить человека годами и столкнуться с ним нос к носу в самый неподходящий момент, не написав в виде. Проза, а тогда не годился для светской беседы. Но

знакомые молодые супруги пришли мне на помощь, спросив, какой у меня аппарат. Я объяснил небрежно: «Кварц». Они спросили, как он работает, я ответил: «Отлично», — хотя знал, что Юрка недавно похвалил его на мастерской. «А вы будете попутать мои знакомые. Я одобрительно кивнул головой. Вот как удобно ходить с киноаппаратом: сразу есть солидная тема для разговора, можно отвечать, не думая, и прилично улыбаться.»

Знакомые были абсолютно милы: они лишь три раза с искренним любопытством посмотрели на Аляшку. Главной они сказали, что за углом есть автобус-экспресс, который ждет кого угодно.

В экспрессе Аляшка вспоминала, что вчера не ужила и сегодня не завтракала. Плата шофер задумчиво похаживая вдоль автобуса, Аляшка решила выпить хотя бы газировки, чтобы не погибнуть. Как всегда в таких случаях, а зарплата не оказалась ни одной провозной монеты для автомата.

Аляшка размозжила гривенник у загадочного почтенного дада, и он умиленно смотрел, как Аляшка пила со стаканом стакан. А мне хотелось видеть его на ухом и объяснить, что стоять и объясняться можно перед зонсом с конфетками или солом мороженого. Но ведь ни ничего не поймет, даже если его ступнуть: он вполне приличный человек и никогда бы не смотрел так пристально, если бы не разменял монету.

Аляшка снова в автобусе. До Внукова сегодня почему-то совсем близко. В аэропорту мы решили спасти Аляшку от голодной смерти. На дороге к спасению стояла очередь. Но вот получили кофе и бутерброды, какой-то юноша уступил Аляшке место за столиком и отошел в сторону. На столиком так возмужало: «Провозающиеся пассажира на рейс номер...»

Провозающихся на летное поле не пустили, но я сказал, что лежу, и поехал вместе с Аляшкой до самого самолета. Мои знакомые уже были там; мы еще раз мило улыбнулись друг другу.

И достал зонсом камеру. Я снимал Аляшку на фоне самолетов, я снимал ее издали, и когда я больше не мог снимать Аляшку, я снимал своих знакомых, и они дали вид, что совершенно не замечают киноаппарата. Очередь исчезала в черве самолета, и я опять снимал Аляшку. Ветер трепал ей волосы, и на лице была неспешная улыбка, а мне казалось, что я снимаю собственную беду.

Очереди больше не было. По трансу поднималась Аляшка в какой-то мужчина. В дверях мужчина оглянулся и что-то сказал ей, и Аляшка выважала руками, ухватывая на аппарат. И повертел его и увидел: объект влетел прямо закрыв большущие пластмассовые колпачки. Стучки сообщили: пленка кончилась. Значит, ярок прокрутил все семь метров. Аляшка еще помакала руками и свернулась в самолете.

Самолет все не улетал и не улетал по квинто-во своим самолетным привычкам. Я пошел мимо круглых иллюминаторов, стараясь увидеть Аляшку, но ничего не увидел знакомого. Он показал, что Аляшка сидит на другой стороне.

Аляшка храбро улыбалась с высоты. «Хороший кадр», — подумал я и удивленно заметил: мне совершенно безразлично, что он пропал. Аляшка тогда написала на обложке журнала, а я не мог разобрать.

Я стоял и смотрел на Аляшку в иллюминаторе. Она была здесь, и ее не было. Я уже ничего не мог сказать Аляшке, и от этого в горле стоял ком, и хотелось, чтобы самолет либо скорее улетел, либо остался совсем.

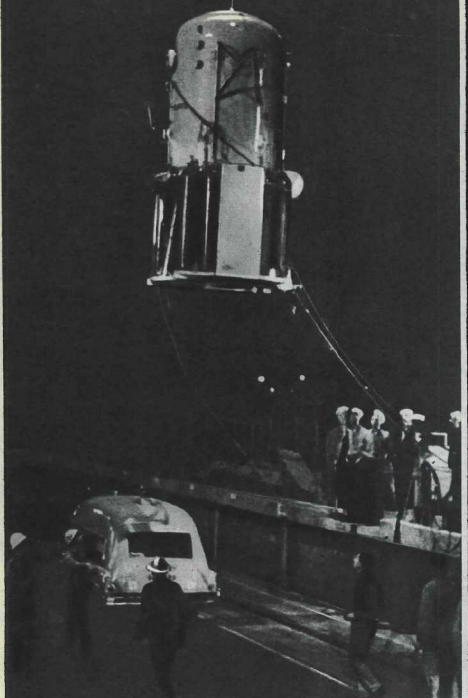
«Ты подглядывал самолет взглядом, вот я и улетела», — писала потом Аляшка.

Я честно рассказывал Юрке, что забыл открыть объектив. Юрка отгорился и начал говорить о независимости фильма, о моей невнимательности, а я равнодушно кивал головой. Юрка посмотрел на меня, замолчал и весь вечер был растерянным и заботливым.

Аляшка, улетев, стала совершенно недисциплинированной. Во время работы она сидела рядом с моим кульманом и крутила в разные стороны головой. Вечером, когда я устроившая с книгой в кресле, она идет ко мне по аллею. Потом она стоит в очереди за пирожком, бежит по лестнице. Я вижу ее на аэродроме недалеко и крупным планом, ее лицо в иллюминаторе самолета, и еще я вижу то, чего не было в сценарии, предвуманом Юрке. И, уже не думая, разумно или неразумно это, а тихо говорю:

— Аляшка, притягай!

Последние минуты рокового эксперимента. «Атлантик» поднят на пирс. «Скорая помощь» наготове...

4 декабря 1962 года телеграфные агентства распространили следующее сообщение:

САН-ФРАНСИСКО. СЕГОДНЯ УТРОМ У ОСТРОВА САНТА КАТАЛИНА ПРИ ПОПЫТКЕ УСТАНОВИТЬ МИРОВОЙ РЕКОРД ПОГРУЖЕНИЯ САКВАЛАНГОМ (1000 ФУТОВ) ПОГИБ 35-ЛЕТНИЙ АНГЛИЙСКИЙ ЖУРНАЛИСТ ИТТЕР СМОУЛ, ВТОРОЙ УЧАСТНИК ПОГРУЖЕНИЯ — 28-ЛЕТНИЙ УЧИТЕЛЬ МАТЕМАТИКИ ИЗ ШВЕДЦИИ ХАННЕС КЕЛЛЕР — НАХОДИТСЯ В БОЛЬШОЕ СПАСАЯ ИХ, УТОНУЛ 22-ЛЕТНИЙ АНГЛИЙСКИЙ СТУДЕНТ КРИС УИТТЕР. СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РАССЛЕДУЕТ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧА.

За деловой краткостью сообщения скрывается немало вопросов. Что же произошло там, в глубине? Отчего погибли эти двое? Выжил ли кто-нибудь в их кабеле? И, главное, во имя чего приречена эта жертва?

Чтобы ответить на все эти вопросы, нам придется обратиться к биографии Ханнеса Келлера. Ее можно прочесть как приключенческий роман. Здесь есть и роковая тайна, и смертельные опасности, и счастливые совпадения...

Эксперимент

или самоубийство?

Холодным ноябрьским утром 1958 года на середине Цюрихского озера выплыл плот. На нем на-

ходился профессор физиологии местного университета Альберт Вольманн, преподаватель математики в бернвильской школе Ханнес Келлер и несколько их друзей. Другая пыталась шутить, но это ни удавалось с трудом. Они были уверены, что эксперимент, при котором они согласались присутствовать после долгих уговоров,

закончится покоронами, что через несколько часов Келлер не будет в живых. Келлер же, напротив, был очень оптимист. На его лице нельзя было уловить ни малейшей тени страха. Пусть аппарат для глубоководного погружения, который находился на плоту, выглядел очень ненадежным и сохранил все черты мусорного бака, из которого и был изготовлен. Но Келлер целиком доверял ему. А главное — своим расчетам.

Подводным спортом Келлер увлекся не так давно. И сразу же захватившая мысль проложить глубинные барьеры, установившие для человека природой.

Здесь нам придется ненадолго прервать рассказ о событиях на озере, чтобы ознакомить читателя с сутью проблемы, которая увлекла Келлера.

Из всех опасностей, ожидающих человека на глубине, самая грозная — давление воды. При погружении на сто метров оно составляет десять атмосфер, а на глубине триста метров — тридцать. Справится с такой тяжестью, давящей со всех сторон, человек как будто бессильно. Его мускулатура не может сопротивляться гнетущей планете. Он не в силах дышать.

Как проложить это препятствие? Первый шаг заключается в том, что вода надает сферу, в которую под давлением накачивается воздух. В тяжелом

снаряде удавалось опуститься на 200 метров. Но работать в нем очень трудно: он очень стеснен во всем движении.

В более легком снаряде опуститься на 60 метров практически нельзя. Водозапас сжатый воздух подается сверху по шлангам. А если сжатый воздух «захватить» с собой под воду в баллоне? Не утяжеляет ли это равномерность подводного плавания? Так возник аваланг.

Аваналангист дышит сжатым воздухом. Попадая в организм под давлением, он раздвигает грудную клетку и сам противостоит давлению снаружи. Но дыхание сжатым воздухом вызывает две смертельные опасности. Одну из них обычно называют азотным опьянением. Оно подстерегает человека на глубине 60 метров, и его отравляющая сила увеличивается по мере дальнейшего погружения. Первые симптомы чрезвычайно схожи с обычным легким опьянением. А потом параличи и смерть. Забегая вперед, скажем, что, видимо, от азотного опьянения погиб 4 декабря студент Крис Уиттнер.

Чтобы избежать азотного отравления, аваналангисты стали дышать под водой не обычным воздухом, а воздухом, где азот заменен другим инертным газом — гелием.

В 1956 году, пользуясь несовершенной смесью, английский

морин Джордж Вуин смог опуститься на глубину 184 метра.

Первое, что сделал Келлер, когда занялся теоретическим исследованием глубоководных погружений — усложнил и спорившийся общепринятый теория зрения. Он предположил, что азотные соединения вызово воле на азотом, а углекислый газом. Тогда же составил крупный шведский физиколог доктор Вольман. Вместе они разработали совершенно новую, единую газовую смесь для дыхания на глубине. При одном взгляде на формулу любой авиалайнер назвал бы ее самобытной.

Келлер собрался дышать под водой свежо из 5 процентов кислорода и... 55 процентов азота. Широко-намыровот!

Никто не хотел финансировать «аэиотехническое» дело Келлера и брать на себя риск за эксперимент. Кое-как удалось привлечь самому приспособить для опыта старый кислородный аппарат, теперь настало время проверит эти предположения...

Двойная подача

Подготовка друзей и позыв вую профессору, и Келлер зашел в баню. Его осторожно погрузили в воду. Но он уже сырился под водой. Заглубили пузырек. Их бдательные взгляды последние приветом безразудного математика.

Однако Келлер регулярно доносит по телефону, что все в порядке. 60 метров.

Все хорошо. 80 метров.

Полный порядок. Спускайте ниже. — Спускайте ниже.

Весь опустился еще на 16 метров.

Можете поднимать.

Через 25 минут Келлер был снова на плоту.

Итак, Келлер доказал справедливость своей теории борьбы с азотным опьянением. Однако огромный опыт не принес ему ни славы, ни денег, необходимых для продолжения опытов. И новая подача человека над природой оказалась неудачной. Ученые, за исключением Вольмана, считали Келлера шарлатаном. А между тем у него в голове были новые, еще более смелые идеи.

Вы, конечно, обратили внимание на один, пожалуй, самый важный момент в первом погружении Келлера? Подъем с глубины 96 метров занял всего 28 минут. А это значит, что...

Впрочем, прежде чем пояснить что это означает, следует рассказать о второй смертельной опасности, подстерегающей каждого глубоководного лодки и водолаза. Называется она кислородной болезнью. На большой глубине азот воздуха начинает активно растворяться в организме. Он насыщает кровь и ткани, но это обстоятельство никак не отражается на самочувствии авиалайнера, пока тот не начнет всплывать. При резком

уменьшении давления воды на организм человека азот как бы «запикивает» в крови. В сосудах скапливаются пузырьки газа, кровообращение нарушается. Это явление так называемой газовой эмболии может вызвать паралич и даже смерть.

Чтобы избежать кислородной болезни при подъеме человека на глубину, на поверхности обычно удаляют задерин, декомпрессионные пузыри, в течение которых организм постепенно приспособляется к перепадам давления.

Когда азот заменили гелием, выяснилось, что он требует еще более длительного газа при подъеме. Так, Джордж Вуин при своем первом погружении затратил на обратный путь 12 часов!

Потому, одолев проблему азотного опьянения, Келлер вплотную занялся кислородной болезнью. Впервые его экспериментальный подъем в ноябре 1958 года показывает, что этот тогда он располагался на миним-то защитными средствами, которые тщательно срывал. Надо заметить, что всеобщее понятие сведения о первых шагах Келлера очень расходятся и в местах противоречивы. Не исключено, что сам Келлер сознательно запутывал дело.

Тан или иначе, можно установить, что в 1959—1960 годах Келлер экспериментировал с различными газовыми смесями. Кроме того, он борет на вооружение способ, который не раз спас ему жизнь.

Наперекор теории...

Это было самое обычное погружение. Только вместо другого — озеро Мадриеро. Как всегда, на плоту несколько друзей, в чью обязанность входит для несложных дела: подзарядка... Келлером телефонным связь и предупредить его заранее об окончании запаса кислорода. Стоит отличная погода. Почему бы не позагорать? Другим уже не волнуются за Келлера. Телефон молчит, но это ничего не тревожит. О чем, собственно, говорить Келлеру?

Стохвотались познать. Часы показывали, что кислород у Келлера на мет. Он должен был уже подняться. А для этого ему нужно было предупредить. Все с ужасом посмотрели на тряс, ухорившийся гаубину. Он слабо пошевелился. «Алло, алло, Келлер!» Телефон молчал. Что же делается там, внизу?

Келлер тоже забыл о времени. В этот ясный летний день 1960 года до солнечный свет проникло до самого дна, и Келлер улетел красками подводного пейзажа. Неожиданно он почувствовал, что дышать становится трудно. Кислород на исходе. Но почему его не предупредить? Что-то смутно гудит. Замолело сердце. Келлер дернул сигнальную веревку. Ответа не было. Страшно выстрелил в телефон. Он выжидал. Но не отвечали. Почему? Не так! Замыслил подъем — это смерть. Но и промедление —

Этот снимок сделал фотоаппаратом, когда «Атлантик» был поднят из воды. Келлер пришел в себя, Смолау все хуже.

это тоже смерть. Смерть от удушья. Он всплывает. Терял сознание и усилению боли возвращая его. На глубине 20 метров подъем прекращается. Что-то цепко удерживает его. Он запутался в наих-то наележа, свисающих сверху. Пытается перорвать их, но у него создается все беспомощность утисий. Вдруг рядом начинает марлено ползти вверх один из трислов. Он обонял рынку и впился в него и чувствует, что его вытравляют. Лишь одна мысль нила в его голове — выжить, только не выпустить...»

Перепуганные друзья на плоту тислили Келлера гораздо быстрее, чем этого требовало правило безопасности. Но выбирать не приходило.

Келлер остался жив. Любой другой человек не выдержал бы такой стремительной перемены давления. Келлер вытерпел. Почему? Потому что перед погружением он два часа дышал чистой кислородом. И выйдя на поверхность, снова схватился за кислородную маску.

С тех пор сваяны кислородного питания вошли в систему особого дыхательного режима, разработанного Келлером. Борьба с кислородной болезнью. Вместе с доктором Вольманом он исследовал, как ведут себя газы в жидкостной среде живой ткани под различными давлениями. Установили, что именно требуется организму на различных глубинах. В соответствии с этими выводами Келлер составил рецептуру газовой смеси для различных глубин от 0 до 400 метров.

Опыт шведского учителя привлекли особое внимание знаменитого французского подводника на Яна-Миа Кусто. Но Кусто, как остальные ученые, не очень доверяли Келлеру. Вада, что негдет отказывался объяснить не только состав своей газовой смеси, но и сам принцип открытия. И все же Кусто предоставил Келлеру возмож-

ность произвести ряд опытов в лабораториях подводных исследований французского военного флота в Тулоне.

И вот Келлер за стальной дверью барокамеры. Давление постепенно увеличивается. Через 10 минут он ныряется как бы на глубину 235 метров. Теоретически, чтобы подняться ныряем с такой глубины, требуется около 15 часов. Келлер отбился наверх — вышел из камеры — спустя всего 48 минут.

Чем закончились переговоры Келлера с французскими военно-морскими властями, неизвестно. Однако искор он уже в Вашингтоне. И снова демонстрирует свое искусство. И снова категорически отказывается раскрывать секрет Вашингтону Келлеру говорит:

«Вы бы верили. Вы можете опуститься. Но годится ли ваш смес для других?»

«Докажите, что вы здоровое человека — займлет Келлер.

«Докажите, и мы не поспушимся!» — зевнит у него в ушах.

В погоне за рекламой

Итак, диворации те же. Озеро Мадриеро. Шведский. И все тот же плот. Но опуститься под воду Келлер будет уже не в бане, а на специально отстроенной платформе, надобность той, которой пользуются авиалайры. Тогда же вместе с Келлером — баллоны с газовой смесью. И вот Келлеру удалось установить мировой рекорд погружения — 216 метров. На этот раз он не один, а с двумя партнерами. Рядом с ним американец, норвежец и французский «дядя» Жинетт Маллиа.

Перед погружением Келлер и Маллиа дышат кислородом. А затем между ними происходит любопытная сцена. Они пытаются напомнить много из того, что произошло впоследствии. Итак,

У входа в барокамеру в лаборатории Кусто. Келлер уверен в себе.

А СЫ КАЗВЕДКИ

Рисунки А. БАВАНОВСКОГО
и Г. НОВИЦКОВО

Продолжение. Начало см. в «Смене» № 5.

СВИДАНИЕ В ПАРИЖЕ

18 сентября 1941 года Дюпон прибыл в Париж и остановился в отеле «Европа», отведенном исключительно для чинов вермахта и немецких сановников.

Париж теперь не был Парижем. Всего два года назад здесь жилось беззаботное веселье и смех, а теперь люди стали угрюмыми и неразговорчивыми.

Вид города угнетал Дюпона, и вечером того же дня он в весьма мрачном настроении отправился на свидание с Жильбером.

Первый раз Дюпон встретился с Жильбером по поручению Центра в мае 1941 года, за месяц до нападения фашистов на Советский Союз. По инициативе у Дюпона свидания, Жильбер руководил разведывательной организацией, действующей против Третьего рейха на территории Германии и оккупированных ею стран Запада.

Боясь разоблачения и разгрома своих людей, Жильбер усилил конспирацию. Отдельные сотрудники — агенты и резиденты, не знающие друг друга, связывались между собой только в особых случаях по радиоприказу Жильбера или Центра. А разведывательные группы, выполняя свое задание, исчезали, чтобы никогда больше не появиться в этих местах. Контакт отдельных групп с Жильбером и Центром поддерживался исключительно с помощью радио и условных «потопных» шифров. А когда требовалась личная встреча, связь с руководителями отдельных групп и сотрудниками поддерживал Дюпон, соблюдая строжайшие меры предосторожности.

Группы, действующие на территории Германии, Голландии и Бельгии, подчинялись непосредственно Дюпону. Французскими группами руководил сам Жильбер через своего заместителя, носившего псевдоним Коше.

Создана была также специальная резервная сеть. Она должна была начать действовать только в том случае, если главная организация Жильбера будет разгромлена немецкой контрразведкой. Существующие резервные сети хранились в полной тайне. И никто, кроме самого Жильбера, не знал даже имени ее шефа. Чтобы иметь возможность контролировать работу групп и отдельных сотрудников, Жильбер организовал их деятельность так, что работа на отдельных участках взаимно перекрывалась и взаимно проверялась.

Когда Дюпон вошел в небольшую аудиторию, Жильбер уже поджидал его.

— Рада видеть вас, — сказал он. — Я вызвал вас, чтобы проинформировать о новых методах нашей работы. Стало известно, что несколько дней тому назад шеф местного отделения абвера полковник Релинг получил приказ провести в Париже операцию по ликвидации наших радиостанций, такая же операция будет проведена и в Берлине. Это подтверждает и информация «Зубар». В связи с этим я получил приказ из Центра перейти на новую систему связи по ключу «С».

Жильбер взял лежащую на столе книгу и протянул ее Дюпону. Это была книжка французского автора конца XIX века под названием «Чу-ду профессора Трэффмана».

— Вот новый шифр, — сказал Жильбер. — Техника шифрования остается без изменений. Стало быть, шифрота, следует на первом месте группы цифр давать номер страницы в обратном порядке, добавляя к нему число 65 на четной странице и число 83 на нечетной. Потом, как обычно, обозначая каждое предложение, последовательно отсчитывая порядковые номера в тексте, а также строку наверху строки, а наоборот, снизу вверх. Существует несколько изданий этого романа, и приобретать издание 1910 года, это есть то, которым мы будем пользоваться, наименьший. Порядок слов и строк не совпадает ни с одним из других изданий. Если намши и нпадут случайно на след нашего ключа, разгадать загадку нашего шифра все равно будет нелегко.

— Изменяя же мы волну, позвонные сигналы и время передачі — спросил Дюпон.

— Конечно, — сказал Жильбер. — Все подлинности, связанные с этим делом, найдете в этом календаре.

Он вынул из кармана обыкновенный маленький календарь и открыл его на пятой странице в том месте, где начинался май.

— Дни волны, — пояснил он. — Будем менять каждые три недели, считая от часа сошедшего солнца, мы можем себе это позволить, поскольку наши аппараты имеют широкую шкалу диапазонов. К каждому

часу восхода солнца, каждого третьего понедельника, считая от дня первого мая, следует прибавлять 12. Это число определяет длину волны. Одновременно от часа захода в течение недели таким же порядком следует последовательно отнимать числа 6, 4, 2 и прибавлять 3. Полученная цифра будет означать время радиопередачи, обязательный для станций бельгийских, голландских и берлинских групп. Связь со мной будет устанавливаться ежедневно в 4.30 утра на волне 13,30 метра, шифрота радиогруппы тем же самым ключом.

— Это все!

— Нет. Осталось еще кое-какие дела... Хотите немного вина? Жильбер поднялся с кресла, подошел к буфету, стоящему у центральных входов, и вернулся с бутылкой вина и бокалами в руках. Оттуда же достал рубиновую жемчужину.

— Настоящее бельгийское — сказал он, улыбаясь. — Теперь с этим все. Немцы веселятся, как гуиньи, и вызовят все, что можно. — За успех нашей работы и быстрый разгром гитлеризма, — сказал он, поднимая бокал.

— За возвращение домой, — добавил Дюпон.

— Конечно, — улыбнулся Жильбер, — а пока давайте займемся делами. Рассказывайте...

— Уже совсем стемнело, когда Дюпон покинул дом в предместье Пасси.

ПОЕДИНОК НАЧИНАЕТСЯ

«Интересно, что случилось со станцией РТХА — подумал начальник пеленгаторного пункта абвера в Кранце капитан Шустер, направляясь оперативный зал. Там, как он дважды менял на диспенсаторе, работал над большой картой, разложенной на столе, лейтенант Реген.

— Есть ли какие-нибудь вести от той советской станции, которую первым услышал Хансенманн? — спросил Шустер.

Лейтенант отложил циркуль и поднял усталый взгляд на начальника. — Я сейчас нанес на карту последние итоги пеленгования, — доложил он. Ясно, что эта станция находится где-то в окрестностях Брюсселя. Установить это было трудно, так как они дважды меняли на диспенсаторе, работал над большой картой, разложенной на столе, лейтенант Реген.

— Есть ли какие-нибудь вести от той советской станции, которую первым услышал Хансенманн? — спросил Шустер.

Шустер склонился над картой. Значит, он не ошибался, предполагая, что русские имеют разветвленную агентурную сеть. Это подтверждалось и количеством шифростанций, которые приняла уже служба радиопеленгаторного пункта в Кранце. К сожалению, специалистам по шифрам не удалось расшифровать ни одной из двухсот пятидесяти переключенных шифростанций русских.

Это было хуже всего: нельзя было выяснить, какими сведениями располагает советская разведка и откуда она их черпает.

Беспокойство было тем более обоснованным, что функ-абверу не удалось точно захватить и ликвидировать ни одну из передаточных станций.

Особо секретное совещание руководителей пунктов прослушивания и пеленгования состоялось в здании центрального управления абвера в Берлине на набережной Тирпича в доме № 74/77.

Разведывательную службу по поручению тайной полиции представлял шеф бюро III — СД — «Миланд» группенферер Олендорф и шеф IV управления РСХА гестапо обергруппенферер Мюллер. Руководство военной разведки — абвера — представляли его шеф адмирал Канарис и шеф III отделения полковник Бентвиген. Абверу предстояло значительно усилить свою деятельность против подпольных передаточных станций.

По мнению адмирала, первый решительный удар следовало нанести советской разведывательной организации, деятельность которой представляла наибольшую опасность для Третьего рейха.

— Если нам не удастся в ближайшие время ликвидировать неприятельскую сеть связи, наша войска на Востоке рискует проиграть кампанию за кампанией, — сказал Канарис.

На совещании казалось, что уничтожить советские передаточники — дело нетрудное. Надлежало на первую партию гониметров нового типа фирмы «Вольф-радио»...

Их должны были впервые применить в Берлине. Также решили организовать особо засекреченный специальный гомеометрический отдел. Люди этого отдела, переодетые в мундиры почтовых служащих и работников электростанций, будут маскировать свою работу минималом лампной уличной сети. Командиром первого отряда был назначен лейтенант Вильгельм из Функс-абвера. Сосны, Олендорф и Мюллер выделили нужное количество людей из СД и гестапо. В их обязанности входило захватить обнаруженную радиостанцию и арестовать персонал.

Функс-абвер взял также в действие специальные радиодружители, работавшие на том же самом диапазоне волн, что и берлинские подпольные станции.

Они начали свою работу 24 сентября 1941 года. Связь между берлинскими разведывательными группами и их руководством была прервана, и, несмотря на все усилия, восстановить ее не удалось.

* * *

4 октября 1941 года Дюпон посетил маленькую виллу в предместье Мюленбеке. Когда он вошел в комнату, где помещалась аппаратура радиостанции, шифровальщика проткнула ему спину, получившую из Центра несколько часов назад.

«КПС» к «БСА» 10.00.17.25.99 «Кенту» от «Директора». Прощу немедленно выехать на пункты СРЛ, КРХ и ВСР в Берлине и лично выслушать, почему прервана связь, — «Директор».

Дюпон быстро пробежал взглядом текст радиogramмы. Несомненно, с берлинскими станциями страстно что-то недобро. Радиостанция Дюпона на протяжении нескольких дней также не принимала ни одной радиogramмы из Берлина. Радист сообщил только о странном треске и помехах при приеме.

Дюпон понимал, что задание, полученное от Центра, было очень опасным, но другого выхода не было.

Приехав в Берлин, он немедленно связался с шефом первой берлинской группы Карро, который служил в одном из важных военных учреждений. Благодаря занимаемому положению, Карро имел доступ к очень секретным документам. Его информация имела огромную ценность для советского командования. На Карро вполне можно было положиться: это был убежденный антифашист. Отец Карро был приятелем адмирала Канариса, и Карро пользовался в армии полным доверием и неприкосновенностью. Служба в армии давала ему защиту от посягательства СД и гестапо. Работа эти органы в армии запрещалась: до поры до времени армия была исключительно полем деятельности контрразведки абвера.

Карро успокоил Дюпона, заверив его, что положение пока не дует поводов для большого беспокойства. Он объяснил, что связь была прервана из-за того, что функс-абвер вел в действие мощную заглушающую станцию, которая атаквала в действие тотчас же, как только передатчик советских разведывательных групп начинал работу.

— Но все же у меня такое впечатление, что гитлеровцы решили что-то предпринять, — сказал Карро.

Дюпон получил от Карро несколько шифровок, которые не удалось передать в Центр из-за радиопомех. Их нужно было теперь передать адресату через Брюссельскую радиостанцию. В них сообщалось о новых планах главного командования вермахта на будущий год. Дюпон посоветовал Карро связаться со второй берлинской группой, располагающей более сильными передатчиком, и использовать пока его для связи с Брюсселем.

Радиостанция этой группы находилась в Шарлоттенбурге, на Фридрихштрассе. Но в случае неудачи Карро обязан был передавать сведения группе Дюпона через «почтовые ящики», которые обвешивал специальный связной.

Затем Дюпон встретился с Германом — шефом второй берлинской группы — и договорился с ним о новых условиях связи.

К О Н Т Р У Д А Р

Прошло более двух месяцев неустанной работы, пока наконец оперативная служба абвера нашла на территории Берлинской тайной радиостанции Атлант-абвера и СД удалось захватить станцию во время работы. При перестрелке радист был убит, и нить поисков снова оказалась разорванной. Убитых ведь не дают показаний. Никаких документов ни шифров, которые навели бы на след других сотрудников советской разведки, гитлеровцы не нашли.

Об этом факте немедленно было сообщено Канарису. Адмирал был рассержен в высшей степени. Плоды двухмесячной подготовки окончательно погибли из-за грубой работы его агентов. Кроме того, деятельность абвера стала опаснейшей для всех, и такой важный фактор, как внезапность, перестал существовать. Руководители советской разведки тотчас же провели основательную перестройку берлинских групп.

Адмирал Канарис имел все основания негодовать. После разгрома абвером Берлинской передаточной станции группа Карро по распоряжению Жильбера приостановила на некоторое время работу своих радиостанций. Другая группа, которой руководил Герман, была перенесена тем временем в Брюссель, взяв на себя часть работы станции ФКХ.

Контакт между отдельными группами на это время прервался. Связь с каждой из них велась непосредственно через Дюпона. В полной тайне даже от своих ближайших сотрудников Дюпон организовал шифр новых резервных групп, которые должны были начать работу в Берлине и на территории Германии. Люди, которые вошли в их состав, были хорошо подготовленными и прекрасно владевшими немецким языком офицерами советской разведки. Их перебросили в Германию через линию фронта на самолетах. Присутствуя к работе они должны

были в феврале 1942 года, е пока им не удалось акклиматизироваться на вражеской земле.

Дюпон также намеревался перенести свою центральную станцию из района Мюленбеке в одно из предместий Брюсселя, так как в Мюленбеке в последнее время стали появляться гомеометрические отряды.

Сотрудник Дюпона, работавший в казармах вермахта на Этербекке, сообщил, что эти отряды проходили специальное обучение с новыми гомеометрическим оборудованием на территории казарм.

По-видимому, абвер после неудач в Берлине намеревался нанести очередной удар передатчиком в Брюсселе.

Поздним вечером 12 ноября 1941 года в комнате на втором этаже виллы на Мюленбеке кипела напряженная работа. Дюпон вместе с сотрудниками своей станции отправлял последние шифrogramмы в Центр Жильберу.

То была сведения о подготовке гитлеровцев к решительной битве на Восточном фронте. Первая шифrogramма, полученная от разведки под псевдонимом Антон, служившего в штабе воздушной армии Кессельринга, сообщала, что воздушные соединения, базирующиеся на острове Крит, готовятся перелететь в Крым.

Денные второй и третьей шифrogramмы исходили от Карро. Он сообщил, что новый немецкий истребитель типа «мессершмитт» оснащен двумя пушками и двумя пулеметами, вымоторованными в крылья. Карро сообщил также и о том, что предварительные работы по конструированию реактивного истребителя «Me-262», который получил название «шалвель» («ласточка»), закончены и самолет поступит на вооружение в первой половине 1944 года.

Однако наибольшую ценность имели все-таки сведения, полученные также от Карро, о плане наступления на Южном фронте, разработанном главным командованием вермахта.

Целью этого удара был Кавказ и нефтяные источники Баку. Существование этого плана было намечено на весну 1942 года. Карро сообщил, что армии, которые примут участие в этой операции, будут сконцентрированы в квадрате Лозовая — Белая — Чугуев — Белгород — Ахтырка — Краснодар. Командованием этой группой армий воз-

лагался на генерал-фельдмаршала фон Рейхенау. Штаб-квартира его находится в Харькове.

По плану верховного командования вермахта намечалось после захвата Кавказа удар через Иран на Индию и последующее соединение с Японией.

ЖИЛЬБЕР

Личный кабинет Жильбера находился на третьем этаже большого дома, занимаемого конторой фирмы «Гвер Ларусс и сыновья» на улице Марбей, близки Елисейских полей.

На дверях кабинета висела большая бронзовая табличка: Мануэль Парра — главный директор.

Входить сюда имели право только личный секретарь и машинистка. И никто из сотрудников Жильбера не знал, конечно, о том, что из кабинета через особый замаскированный ход можно было спускаться в подвал, где находилось тайное помещение — оперативная комната Жильбера. Чтобы попасть туда, надо было отбросить мягкий пушистый персидский ковер, вынуть одну из планок паркета и нажать особую педаль. Тогда открывалось узкое отверстие. Раскрыв ее одну потайную дверь, можно было проникнуть в оперативное помещение. Из этого кабинета Жильбер руководил всей деятельностью разведывательной сети. За голубком находилась еще одна дверь. Она вела через маленький коридорчик в туалет, а дальше была ход на лестничную клетку соседнего дома и затем во второй двор, выходящий на соседнюю улицу.

Когда фирма «Гвер Ларусс» и сама она начала поставлять вермахту строительные материалы и машины, парижское отделение принимали меры безопасности, опасаясь шпионов, проверило личные дела всех работников фирмы и порекомендовало часть из них уволить.

Только директор фирмы оставался вне всяких подозрений. Мануэль Парра был истинным подданым и уже много лет состоял членом франкфуртской фаланги. Его паспорт и документы были в абсолютном порядке, и немцы относились к нему с уважением, как к предстателю дружественной страны.

Иногда он оказывал Мануэлу Парра полное доверие, совершенно не предполагая, что человек, которого они постоянно принимали и себя дома и от которого они не скрывали много свои служебные дела, на самом деле являлся руководителем советской разведывательной организации. Вся история с его биографией была попросту ловко осуществлена с помощью Мануэла Парра.

Директор Парра находился в своем тайном кабинете, где в сейфах были запрятаны ключи шифров, таблицы кодов и карты с обозначением на них расположенные немецкие си по всем территориям, входящим в компетенцию Жильбера. Здесь находились также два радиопередатчика. Если бы кто-нибудь непосвященный попытается открыть сейф, специальный устройство сожгло бы находящиеся внутри бумаги.

Жильбер внимательно просматривал аннотированно со снимками конструкторских чертежей нового немецкого противотанкового орудия и планового рисунка так называемого «Обзорора». Чертежи представлял ему агент, работающий в секции военных патентов при верховном командовании вермахта.

Центр известия Жильбера, что за этими материалами, как только позволят условия, будет взят новый самолет, который уже несколько раз снабжал разведывательные организации передаточной аппаратурой и прочим снаряжением, а также перебрасывал через фронт людей. Машина, однако, все еще не прибывала.

Жильбер спрятав материалы в шкаф и потайным переходом вернулся в свой кабинет на третьем этаже. Он нажал кнопку звонка. Тотчас же в комнату вошел седой мужчина в сером костюме.

Официально это был личный секретарь директора Парра, а на самом деле — ближайший сотрудник Жильбера.

— Садитесь предположи Жильбер, показывая вешающему на кресло у письменного стола. Вы знаете, Манс опять снабдил нас великолепным материалом о новых видах немецкого вооружения. Хорошо было бы, если бы он добыл для нас сведения о новом тяжелом танке «королевский тигр», спроектированном конструкторским Бюро завода Порше.

— Постараемся сделать! — ответил Сиусе. — Я еще нужен вам?

— Вы нашли новые квартиры для радистов? —

— Есть два очень подходящие точки. Одна из них помещается в доме, два нижних этажа которого заняты местными отделениями полевой полиции. Полагаю, что лучшее место трудно себе представить.

Жильбер улыбнулся и спросил: — Где находятся эти квартиры?

— Одна у вольста Шатля, а другая на Антверпенской площади.

— Прекрасно. Тогда мы сыграем с немцами хитрую игру!

Во время этого разговора Жильбер поручил Сиусе уладить еще два других очень важных дела.

Слух, подосланный Жильбером на немецкие радиотелеграфные линии, доносился о шифровке, посланной командующей группы армий «Запад» фельдмаршалу Клеве шефом верховного командования вермахта фельдмаршалом Кейтелем. Кейтель требовал перебраться на Восточный фронт несколько дивизий из состава группы армий «Запад» и передать их в распоряжение фельдмаршала фон Бока, командующего группой Шатля.

Следовало срочно выяснить номера этих дивизий, их вооружение, численность, фамилии командиров и настроения личного состава.

Жильбер приказал также предупредить Кента о грозящей ему опасности. Были получены сведения, что флик-сапер напал на команд передатчика в Мюленбеке. Кенту надо было скорее перебраться на станцию в другое место.

Продолжение следует.

О ТЕХ, КТО НЕ ЗНАЧИТСЯ В ПРОГРАММЕ

Фото В. ТЮКЛЕЯ

«Только первый раз и хочу еще принять. Спасибо большому!» — по-русски написала молодой кубинке. «Нам было очень приятно посетить номосомологическую кафе, от которого у нас осталось самое хорошее впечатление...» — под этими строчками расписался плетеро прославленных химиков Московского «Стартапа». «Спасибо за внимание!» Татьяна Самойлова. Таких записей много в книге отзывов «Азидата».

Кафе славится своим вечерами на всю Москву. Здесь постоянная уютная, домашняя обстановка: можно послушать любимые стихи, потанцевать, посприятно о тайнах нососа и будущего архитектуры.

Но не только этим известна молодежи «Азидата». Сегодня мы вам расскажем о тех, кто не значится в программах ее вечеров, хотя и является непеременимым их участником. Приведенные нами цитаты из книги отзывов относятся к ним. Ведь хорошее настроение очень легко испортить... резинированным библиотечным, медичным нофе или черствым пирожином. Эти люди — тоже художники в своем деле, и без их искусства в «Азидате» наверняка было бы куда скучнее.

Познакомьтесь с самыми юными из штатных «художников» «Азидаты» — парварима Наташей Андреевой и Люсей Спиридоновой.

Люся работает в «горячем цехе». Ее работа — золотистые спусы, рулонные биф-

штенсы, строгие пудинги, драматичные чашечки, шипучие газлины... Приготовить их — дело легкое. Сейчас Люся подводит и пинте без робости. Нарезан и настроен не пугают ее своими носимическими габаритами.

А в люсе, когда ее стоишь на огне так и норовило перелетать на плиту или спрыгать дотла. Но это было три года назад на первом учебе в техникуме. А теперь Люся смело орудует у пыщащих жаром конфорок, хотя учебе еще не закончена. Она готовится поступить в учебе в институт.

Вырвавшая люзем поваров, Люся в совершенстве владеет искусством «расходления» своего арванени кохватет и на учебе, и на общественную работу, и на спорт (зимой — нынши, летом — волейбол), и на театре.

А у Наташе под началом «золотой цех» — закуски. Тут свои секреты и тайны. Обратите внимание, приди в «Азидату», как красное уюжение конурт селадри орманжелем взводном корюном, белые кубини картофля, темно-вишневые пластинки свеколки, зеленый лучок. Это настоящая мозаика.

Наташа еще пришла в цех всего полгода назад, и в ее памяти есть свои воспоминания о первых робких шагах и яркой разнице «мускусно-красном. Ничан не давалась именно розината! Ну, ладно бы поговорила с одним заливным, ну, с паром саляничным, но тут сто, а то и все двести домов. Но тут ведь не дом, тут сг, а то и все двести домов. Наташа, заливные, паштеты, икра, селадри доминады, икра, пуста, даже обмыновенное

Люся Спиридонова, как всегда, на своем посту.

сливочное масло — все требует внимания, сугубо индивидуального подхода! А Василий Федорович Кавкази, заведующий производством, ним, попросту говоря, шеф-повар с 33-летним опытом, неустойно повторял, что и тут все должно быть красиво, вкусно, как дома. И без устали передавал Наташе свой богатейший опыт.

Наташа оказалась способной ученицей. Вот загляните на снимок и оцените ее искусство. До чего ж аппетитно!

«По вечерам, когда на улице Москвы опускаются сумерки, «Азлиту» заполняет молодежь. Чуть опоздай — и не отыщешь свободного места. Но если вам сегодня повезло и вы попали в число счастливиц, которые от души заведует динамичная «черда» у входа, то не забудьте, возвращаясь домой, вспомнить среди удачных номеров программы произведение Наташи Андреевой, Люси Спиридоновой и их товарищей. Они заслужили доброго слова.

И. ВАСИЛЬЕВ

Чуть-чуть фантазии — и на «клубе» из вышерега расцветают прекрасные блюда...

Выслушать мнение посетителя — это все равно что сверяться с комсомол: правлен ли курс? Судя по довольным улыбкам, все в порядке...

В «Азлите» танцы... Нелепо Наташе и Люсе держаться от соблазна, но что поделаешь? Работа есть работа, и вместе со всеми можно только улыбаться...

Подземная тюрьма для знакомыслящих...

В Рыбословном районе, Рызской области, в километре от бывшего Боготословского монастыря, обнаружена необычная подземная тюрьма. Ее соорудили в XVII веке православные отцы для расправы с иномишляками.

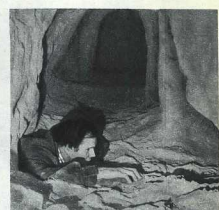
На склоне холма, поросшего кустарником, замет не-большое отверстие, похожее на нору. Проникнуть сюда можно лишь ползком. По столешной высоте хода возрастает, и дальнейший путь можно продолжать за четвереньками. Довольно ровные земляные стены переходят в свод, на котором видны следы кирки. От главного хода отходят боковые. Они то уходят вниз, то поднимаются. За перекрестками и поворотами у самого пола видна железка высотой в 30 сантиметров. Это вход в одну из тюремных камер. Она представляет собой небольшую комнату площадью 1х2 метра.

В камерах сохранились следы побоев и покраснев-

предохранивших земляные стены и своды от осмыления. В одной из камер был обнаружен малоприятный подпол, сделанный, по-видимому, для побего. Но выбраться оттуда было не так-то просто: местные крестьяне находили здесь цепи, в которые были замкнаны узники.

Исторические документы показывают, что тюрьма имела отнюдь не местное значение. В 1691 году по царскому указу в ней были заточены десять раскольников. Несколько раньше, в 1684 году, сюда направил после заточения в Ярославле чернец Сергей, уча-стник знаменитого диспута в Грозной палате. Пре-раскольники выступили против общинной церкви.

История подземной тюрьмы при Боготословном монастыре еще не изучена до конца. Но и тот материал, который раскопаны, неизменно показывает мрачный лик церкви.

Через это отверстие можно попасть в камеру.

Наиболее высокая часть подземного коридора, по которому день и ночь ходил в страже.

Ход, выкопанный узником для побега. Для сравнения в песок воткнул современный столовый нож.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «СМЕНЫ»

Более четырех тысяч читателей «Смены» приняло участие в нашем шахматном конкурсе, условия которого были опубликованы в № 18 журнала за 1962 год. Участникам предстояло разобрать и решить пять композиций (четыре задачи и этюд), различных по теме и степени трудности. За правильное решение той или иной композиции засчитывалось от 2 до 4 баллов.

Жюри рассмотрело все присланные в редакцию письма, оценило работу каждого читателя и определило группу победителей в 186 человек. Редакция поздравляет всех из с успехом и награждает специальными дипломами «Смены».

Жюри рассмотрело нашего конкурса вошли: ГАЛИНА КУСТЬЯ, машинист Магнесного металлургического завода; И. ХУХЕНКИМ, инженер, и ГОГО ПУРВДОРН, студент, — оба из Монгольской Народной Республики; АНАТОЛИЙ ИВАНЧЕНКО, шофер 1-го автобусного парка г. Сочи; ЮРИЙ ВОИНИ, офицер-пограничник; НИКОЛАЙ ВАРЧЕНКО, врач из г. Миргорода; ВАЛЕНТИН СЛУЖИН, старший инженир управления строительства и ремонта автомобильных дорог из г. Саранска; АЛЕКСАНДР ЛАТУНОВ, столяр, строительско-монтажного цеха № 234 из г. Новочебоксар; ВЛАДИМИР ВЫШЕВАКОВ, элекрник строительства Лисичанского химкомбината; ВЛАДИМИР ЛЫТКИН, помощник бурьячника

нефтяных и газовых скважин из Астраханской области; АЛЕКСАНДР КАРАСЯВ и ЕВГЕНИЙ СОЛЛОВЬЕВ, работницы Севастопольского порта; ВЕНИАМИН АТАМАНОВ, преподаватель музыки из г. Спасска-Дальней, Приморского края; ЛЕОНИД ДЗЮБА, инженер-конструктор Ленинградского тепловозостроительного завода; АНАТОЛИЙ КОЗЛОВ, мастер теплоэлектромеханического завода; АБУДУХАЙ БУЛАТОВ, мастер лесачьего карьера в г. Магнитогорске; ВЛАДИМИР СПОРХОДОВ, инженер Новоленского тепловозостроительного завода; СЕРГЕЙ ШЕВЦОВ, поездной диспетчер Читинского отделения Забайкальской железной дороги; ГЕОРГИЙ МУДЮЖИН, научная сотрудник Всесоюзного института горняка; ПЕТР ОШЕНЦЕВ, рабочий шахты № 25 из Луганской области; АЛЕКСАНДР ИЛЬИН, директор одельно-обойлочной фабрики из г. Лубны, Полтавской области; НИКОЛАЙ ГОРБАЧЕВ, рабочий очистного забоя шахты имени XXI съезда КПСС из пос. Белоевского, Донецкой области; АМИТРИЙ КУАРЬБИЕВ, радиомонтажник из г. Арамакса; ИВАН САПЕЛИН, горный мастер шахты 5-7 из г. Красный Луч; АНАТОЛИЙ БОНДАРЬ, авиамеханик аэропорта г. Донецка; ЯДАМСУРЕН ШИРНИН, преподаватель политехникума (г. Улан-Батор, Монгольская Народная Республика); ЕМИЛ ШОПЕВ, ученик 11-го класса средней школы (г. София, Болгария) и другие.

Решения пяти композиций

(в сокращенном виде)

Задача первая:

1. Лf2—f4
1. Кр: f4 2. Сd2x1.
1. Кр: d4 2. Кс5x1. 1...Крd3
2. Кd2x1. 1...Крe2 2. Кf2x.

Задача вторая:

1. Сh6—e1
1. Кр: f2 2. Фhх: 1.
1...С: f7 2. Сd3x: 1...Кf7 2.
Ф: f7x.

Задача третья:

1. e2—e4
1. Сe4 2. Фd31 К: f3
3. e4x1. 1...Фg8 2. Фd31
Ф: d3 3. e4x.

Задача четвертая:

Эта красивая задача с трудными комбинационными ролями, основанная с творческой жертвой ферзя.

очень понравившаяся участникам конкурса, но для многих казалась самым притягательным.

Мат дается в три хода: 1. Кg2—h4

1. Сe4 2. Фe4+11 2: d6
3. Кd3x: 1...Ле4 2. Фb5+ Ф: a2 2. Кd3x: 1...Ле2 3. Ф: d4+11 Кр: d4 3. Кf3x.
Этюд: 1. f71 Лa6+ 2. Сa31

xxx

По просьбе читателей приводим краткие ответы на задачи юных шахматных композиторов, помещенные в № 11 журнала за 1962 год:

Задача Л. Пасманика: 1. Сe4 Кр: e4 2. Фe6x1. 1...Лс: e4 1...Лс5x1. 1...Лh: e4 1...С: e4 2. К: e4x. 1...К: e4x.

Задача Н. Крынина: 1. g4! 1...e4 2. Сd5+1 2. Кр: d5 3. Кe5x: 1...С: d5 4. К: e4x. 1...Кf7 2. Сd5+1 2: f3 3. К: e5x: 1...Кf2 2. Сf5+1 2: f3 3. К: f8x.

Задача В. Эдисна: 1. Фd31 С: d3 2. cd e5 3. Кd3x: 1...Сe4 2. Фe2 e5 3. Кd3x: 1...Сh7 2. Кр: h7 e5 3. Кe3x.

Когда я был студентом, — это было не слишком давно, и не нельзя сказать, что недавно, уже девять лет прошло с той поры, — у нас в МГУ бытовала среди многих других одна бесхитростная песня. Пели ее физики:

На офиаоне расцвела,
Весь физфак о ума слела
Незабудка исцвела,
Милля моа.

Песен циркулировала множество, все слагали на кандем факультете, и не было ничего странного в том, что кто-то из физиков прославил любимую девушку.

Случайно попал в компания историков, а неожиданно узнал, что ясноглазая девушка расцвела на истране и свела с ума имено его... В дальнейшем оказалось, что эту песню поют как свою и на химфаке и на мехмате, а ребята из МЭИ, оказавшись в компании сокурсниками в суботней элментриче, утверждали, что незабудка — институте расцвела и «институт с ума свела», — и это значило, что она могла расцвести и притягивать к себе.

Милля песни подчинена строгим и справедливым законам. Заключи иной раз песню, сочини, и аккомпанемент напишут с диземия-белогими, и денги за нее заплатят, и будут поют ее по радио — и никто, совсем никто не сплетет ее на доброй воле и даже умереть такая песня не сможет, потому что существование ее было минимам. А другую песню всего один человек сплетает гдето одиначем, — и песня пошла по аудиториям да по дорогам, а где впервые расцвела незабудка — это мало кому известно.

Вот так, неизвестно откуда, появилась у нас на офиаоне песня про синие сургобы — и стала любимой.

Слушай,
На время время позабудь.
Лучше
Тебе спую я что-нибудь...

Гораздо позже я узнал, что эту песню, подобно многим другим беспризорным «незабудкам», написала студентка, (она уже окончила пединститут) Ада Якушева. Ада сама поет свои песни, подгиравая себе на гитаре, и есть в ее песнях такое неподдельное обаяние, такое тепло и может быть, тогда песни не придумываются, не сочиняются, не исполняются, но просто поются, вырванная своим появлением на свет совершенно естественность поющего человека.

Недавно на многолюдном собрании в московском клубе туристов несомненно ребят, пародируя одну из песен Ады Якушевой, пели:

Песни бродят по лесным дорожкам,
До рекций все не доурют...

Страдно видеть, что песни Ады Якушевой, которые уже несколько лет уверенно бродят не только по лесным дорожкам, печатаются на страницах «Смены». Они живут и сами по себе, но теперь их узнают новые люди, а это очень хорошо.

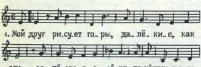
Дмитрий СУХАРЬВ

Музыка и слова
А. ЯКУШЕВОЙ

ГДЕ РАСЦВЕЛА НЕЗАБУДКА

МОЙ ДРУГ РИСУЕТ ГОРЫ

Мой друг рисует го-ры, да-вай, вы-е, как
сон, за-ле-ни-е в о-не-ра, да чертот, жи-ле.
Сов-... А ря-дом шумный го-род стеной со всех сто-
рон, а друг ри-сует го-ры, да-вай, вы-е, как сон.
д-руг ри-сует го-ры, да-вай, вы-е, как сон, а мой

Мой друг рисует горы,
Далекие как сон,
Зеленые озера
и чертоты лесов.
А рядом шумный город —

Стеной со всех сторон,
А друг рисует горы,
Далекие, как сон.

Мой друг — он друг отвесным,
Холодным педикам,
Сон друг отвесными песням.
Да редиам маякам,
Он любит горный ветер,
Раздувая до зарю.
Он любит горы эти
товарищам дарить.

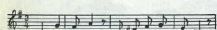
И в ясный день и в горе
Упрамо верит он,
Что есть на свете горы,
Далекие, как сон.
Мой друг мне тел и дорог,
Что днем и ночью он
Возводит к ибу горы,
Далекие, как сон.

ВЕЧЕР БРОДИТ

Вечер бродит по лесным дорожкам,
Ты ведь вроде любишь вечер!
Подожди тогда еще немножко —
Посидим с товарищами у костра.

Вслед за песней позовут ребята
В неизвестные еще края,
И опять над крыльями заката
Всплнет яркой звездочкой мечта моя.

Вокруг целый мир в глазах тревожных,
В этот час на берегу крутом.
Не смотри ты так неосторожно —
Я могу подумать что-нибудь не то...

Вечер бр-одит по лесным до-рожкам.
Ты ведь, вроде, любишь ве-че-ре...
По-дож-ди то-гда е-ще не-мно-жко-то:
по-си-дим с то-ва-ри-ща-ми у ко-стра.

КОРРЕСПОНДЕНТ

Привыкла я за много лет
К тому, что каждый день
Шагает где-то по земле
Один корреспондент.

Что ветры льнут к его плечам,
А он не знает слов.
Его газеты величают
«Наш корреспондент».

Шальных рассветов синева —
Глазам своим взымае...
И все же он совсем не шаг:
Он мой корреспондент.

Так дни идут, часы бегут,
Так тунтуют года,
И жить теперь уже не могу
Я без того, чтоб ждать.

И вот вернется он едва
И вновь дорогам в плен...
Он все же, видно, больше шаг,
Чем мой корреспондент.

Привыкла я за столько лет к то-му, что ка-ждый
день ша-га-ет где-то по зем-ле о-дин
кор-респ-он-дент, ша-га-ет где-то
по зем-ле о-дин кор-респ-он-дент.

Но очень важно другу вслед
Мне каждый знать момент,
Что бродит где-то на земле
Один корреспондент.

М Е Т Р О

Я с детства люблю лабиринты метро
И чутость внимательных справок.
Идешь себе слева и, наоборот,
Стоишь с чужаками справа.
Нигде так спокойно не дышится мне.
Здесь ясно, прохладно и тихо.
А если случится, что выхода нет,
То рядом окажется выход.

А выду наверх — и подхватит меня
Событий и горестей вихрь.
Где место мое, не могу я понять,
Где вход для меня, а где выход!
Канье зарницы мне будут светить,
Каким встречать мне рассветы,
Каким меня поджидают пути!
Никто мне не скажет об этом.

Иду напрямки, всем сомненным назло,
Как будто написан в рамах,
Что счастье мое ждет меня за углом,
А радость — направо и прямо.
Иду напрямки — так понятнее мне!
Встречаю препятства лихо.
И если случится, что выхода нет,
То я отыщу этот выход.

Я с детства люблю ла-бир-ин-ты метро и
-десь се-бе сле-ва и на-о-бо-рот-сто-
-чутько внимательных справок и ры-нок-мед-лен-но
спра-ва. Ни-где так спо-койно не ды-шится мне. Здесь
яс-но, про-хладно и ти-хо. А е-сли случит-ся, что
вы-ход, да нет, то ря-дом окажет-ся вы-ход. А вы-ход, да

Иду и перекресткам далеких дорог
В жару или в синюю стужу,
Хоть это, понятно, не то, что в метро,
Но тоже несколько не хуже!

СОЛНЦЕ ВМЕСТО СВЕТОГ ФОРА

Фото В. ТОККЕЛЯ

Мы давно привыкли к вертолетам как к своего рода «прикладной авиации», без нас же мыслят своей работы геологи, запросто забирающиеся в любую таинную глушь, врачи, для которых эти машины стали самой чеши на есть «сноровой помощью», энергетники, патрулирующие высоковольтные

линии Куйбышев — Москва и Волгоград — Москва, строители, метеорологи... Ну, а мы, горняки? Мы еще только привыкаем к этим стреноющим машинам, конструирующим которых, говорил, занимался еще Леонардо да Винчи. «Ваш вымысел — время» — этот призыв Азроплота ви-

На термометре — минус 25°, но авиатехник Евгений Жукон готовит машину в путь: «Полет состоится при любом морозе».

Санитарный вертолет «КА-18» готов отправиться по срочному вызову. Пилот Сергей Попов (на переднем плане слева) уточняет задание с главным инженером вертолетной станции Иосифом Адамовичем Клышешко.

«Объявляется посадка на вертолет «МИ-4», следующий до Вичкова».

Пассажиров встречает встретившая хозяйка — стюардесса Лариса Ермолаева.

сит и неподалеку от вертолетной станции, расположенной на Ленинградском проспекте Москвы. «Зато автобусом дешевле», — говорит себе многие москвичи и гостя столицы и, пытаясь под толксткой шапки, спешат на автоэкспресс, которые до Внуковского аэропорта идут целых 45 минут (а вертолету — всего 12), до Шереметьева — час с лишним (а вертолету все те же 12 минут).

И не знают сметники, что расчет их оказывается неточным: билет на вертолет хотя и стоит дороже автобусного, зато за багаж платить не надо, так что в итоге разницы нет, упущен лишь час, который выигрывает время. Ведь на пути у вертолета нет ни светофоров, ни грозных знаков ОРУДА — только солнце и звезды.

Главный инженер Московской станции Иосиф Адамович Клышейко может считаться ветераном вертолетной службы в Аэрофлоте. Десять лет назад гражданская авиация получила первые вертолеты, и с тех пор Клышейко знает только винт. Иосифу Адамовичу и его товарищам все время приходится изучать новые модели машин. Вот и сейчас они готовятся к четверем истребителям из них типа вертолетов — «МИ-1», «МИ-4», «МИ-6» и «М-18» — прибавят пятый: «В-8», двадцатичетырехместную пассажирскую машину, своего рода «воздушный автобус».

Этой зимой в Москве стояли суровые морозы. Любый человек, знакомый с авиацией, поймет, сколько хлопот они доставили техникам и механикам вертолетов, готовящим их и полетам на открытой воздухе. Но, несмотря на морозы, не было ни одного ЧП — рейсы совершались точно по расписанию. Работа на бригаде Клышейко, также, как Борис Антонов, Евгений Шума, Евгений Писарев, но применяются свои иелегкую работу на на работу друг, потому что их сила сами станут инженирами — они студенты авиационных вузов.

В. ЖИЛЬЦОВ.

ОДНА БАРЯВЕЗА

Николай ОЗЕРОВ (сентябрь 1951 г.)

Да, как это ни парадоксально звучит, в финале у меня было сразу два противника: Сергей Андреев и... его новый тренер В. Спиридонов, отлично знавший мои сильные и слабые стороны. Со Спиридоновым мы работали и дружили много лет. Но, вероятно, он решил, что Озеров «кончился», и посетил в «лагерь» Андреева.

Со Спиридоновым мы различали затвещенный прием игры, который для себя называли «четверг повторения». К примеру, я послал сопернику мяч вправо, он отразил его и ожидал удара в противоположный угол, а в это время повторил удар снова вправо. Далеко не всегда соперник успевал погасить скорость, развернуться и вновь отразить мяч. Лучшее всего обводил я слева по прямой. Все это прекрасно знал Спиридонов. А раз так, решаю не пользоваться повторением и обводю по прямой.

Я правду. Большое значение хорошо разработанному плану передстоящего матча. Как актер перед спектаклем повторяет роль, так музыкант просматривает партитуру перед концертом, так и теннисист должен спланировать и наза-

нуче встречен мысленно «сыграть» матч.

На этот раз вместе с моим одноклубником и добрым товарищем Мишей Кочагиным я готовился к поединку особенно тщательно. Выяснил максимум из на Тбилиси: дождь дал нам возможность обдумать все не спеша, а мне еще и отдохнуть в день перед финалом. Помимо того, что решено было отозваться от известных Спиридоновых затвещенных слов, замечено было следующее: во что бы то ни стало заставить Андреева с самого начала матча волноваться. В финале перед ним должен был предстать не большой Озеров, а теннисист, готовый биться за победу до последнего.

И вот настал день решающего матча. Вышел на разминку Андреев без вправо — стою, бьет влево — стою. Показываю плохо дело, подвинулись нет. О том, что я задумал биться за победу, соперник, по моим расчетам, должен узнать, когда начнется матч.

Еще перед разминкой бросил мячи. Мне досталось выбирать. — Пусть подаст, — говорю себе.

Пока не разогреешься, не войдешь в темп игры, подача всегда идет не очень гладко. Так было и на этот раз.

Андреев подаст, справа сильно бью. «Натоща» — так назвали теннисисты, мой удар справа — удался. Андреев подаст и выйдет вперед. Он ждет обводки по прямой. Напрясны, надежны — мяч летит влево по диагонали. Андреев бьет влево и сетке — сюда «свечку». Еще один «носик», и все мой.

Теперь мне подавать. Зрители подбадривают. Это придает силы. Играю решительно, удачно атакую. Первые два гейма за мной.

Такой матчეს ошеломил противника. Вместо того, чтобы атаковать и подвигать меня скоростью, темпом, он догосует ровнкою ошкуну — угодит и задней линии, режет, видимо, понаря, «помучит» не совсем определенное после операции соперника. Это как раз мне и нужно было. Игра идет в удобном для меня темпе. Инициатива полностью на моей стороне.

6:4 — первый сет за мной. Во второй партии я настолько разми-

грался, что отдал сопернику только один гейм.

Третий сет. Наконец-то Андреев понял свои промахи. Он атакует, то и дело в ход идет «хлпоушка» — известный андреевский удар с лета справа по диагонали. А в тем времена «мончалось». Понимаю, что надо сделать все, чтобы выиграть победу именно в третьей партии: позне прогнаны пробообрисит и обиграть его будет гораздо труднее. Помимо, все понимаю, но сил нет. Двадцать дней тренировок явно мало, чтобы уверенно провести матч такого масштаба. Третий сет Андреев.

После перебева идет вправо. — 1:1, 2:2, 3:3. Наконец выигрывает свою подачу. 4:3 — я вперед. Теперь во что бы то ни стало выиграть подачу соперника. Нагнетать, ударить васьмом геймом при подаче Андреев — «меньше». Пять мячей остается до победы. Пять мячей, и я — чемпионом Андреев падает. Рванулся настрелку влево. Что-то хрстнуло в колени. Все! Нет, показало. С ногой порядки! Точный удар. Гейм мой.

Мне подавать. Бью. Попад. Остаются три мяча. Силы уходят. — Я на операциях стою. Ланда намилоняется излом мной: «Могда сажмонет СССР. Я прошу вас выиграть это соревнование. Гайи идиции, ради нашей дружбы!».

Два мяча до победы. — «Справку. Дайте справку, Озеров — вдруг обращает ко мне судья».

Нет, показало. Еще не хватало такой чертовщины, как галлоциания!

Нервы на пределе. Как мучил обводный взгляд тренера, улыбка, знакомые слова: «Борис! Борис!».

Ничего этого нет. А тренер по ту сторону сетки. Он в равнении перинна. Как бы вновь слышу голос Андреева, дующего мне, радиокомментатору «на площадке», интервью: «Своей победой в матче сильнейших теннисистов страны и прежде всего обязан моему новому тренеру Владимиру Николаевичу Спиридонову». А я! Я один. Один!

Матчбол — один мяч до победы. — Батумский вонзал. Скольну ты друзей! Их милые лица, улыбки у меня перед глазами. «Кольи, мы с тобой!» Слово пришлося судье — подача вышла отключая. Нет, — объявляет арбитр. Судейская ошибка. И нем бывает. Но, кажется, лавина обрушилась на меня с великой скоростью. Нервы, нервы. Чуть не плачу. Выдерну ли!

Ровно!

Меньше! Довоlessly голос судьи. Неужели все, неужели проиграл! Мысли бегут. В гостиничном номере воров, цветов от тбилисских друзей, телеграммы от товарищей по театру и радиации. «Последние известия». Тбилисский корреспондент Всесоюзного радио мечется от корта к телефону. Вызывает Мишю. Вопрос один и тот же: как играет Озеров? Это уже не для эфира. Это волнует друзей. Как не хочется им поверить!

Снова «ровно», «больше», снова до победы один мяч.

«Вы должны стать чемпионом!» — Голос Ланда зовет и победою. Глаза добрав, всегда даж чемпионом, смотрят ласково, успокаивающе.

Пять, четыре, три, два мяча — эти шаги позды, выстрадали, левенцы. Остался один, последний решающий мяч!

Подача Андреева отсечет и мчнется вперед. Какое-то мгновение вынудило. Обводю по прямой не бунтующий. Нежною наклоню голову — «свежа». Теперь вперед, в атаку! Андреев отбывает, делая полное движение, а сам идет повторение удара в тот же угол. Нет, косяк. Точнее! Движение, делая ладисти и нервного напряжения рукою итго. Выходит выгоско, выгоско, и си о землю, взлетает в воздух и снова опускается на стороне противника.

Ровно семь месяцев прошло после моего первого в生涯, и золотая медаль моя!

Не могу сдерживать слез радости. А мой друг и тренер Владимир Фессору Ланда, чародей, вернувшись в Москву, всегда даж чемпионом — задание выполнено. Бесконечно счастливым, на всю жизнь благодарным, всегда даж чемпионом Советского Союза Николая Озерова!

Вот такая история связана с этой золотой медалью, которую я считаю одним из самых дорогих спортивных наград.

Фото А. БУРДУКОВА

ММХ. АНДРАША

ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛ ГЛАДИТЬ БРЮЖКИ?

ЮМОРСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

На первое свидание в своей жизни с невестой Симочкой я собрался очень тщательно.

Еще за неделю до назначенного часа я выстирал галстук и пришил все недостающие пуговицы. Всего неделю я ходил в рабочем комбинезоне, а мой любимый выходной костюм висел на просушке после того, как в течение пяти часов я отпаривал его. Брюки были так чистыми, что складки на них держались потом в течение всего времени, пока я не сбросил их. Каждый день я тщательно мыл шею, уши, чистил зубы, мылся баниной металлической пилы из-под ногтей. От меня за неделю исходила замечательная волна — знойной пастой «Розмарины». Начиная с понедельника, вместо того чтобы заниматься гимнастикой и подтягивать утяжеленный манер по книге «4000 советов». Труднее всего мне давались упражнения на рывок: «Как держать себя за столем». Я быстро усвоил, что не следует набирать полную ложку супа, шумно прилизывать и чавкать, но я никак не мог запомнить, что чем сидит. Не знаю, как готовятся в первую свидания другие, а я готовился очень серьезно. За неделю я специально прочел четыре романа, чтобы быть в курсе. Выучил несколько стихотворений про любовь.

Первая страница обложки: режиссер С. Самсонов и оператор В. Монахов (у камеры) на съемках фильма «Оптимистическая трагедия». См. стр. 14—15.

Фото В. МУРАЗОВА.

— ОДНУ МИНУТКУ!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ВЕЩИ О СЕБЕ

— А ЦЕЛЯ ОЧЬИМ ВНЕОЧЬИМ!
Промыть за чей-нибудь спиной!

ЛОПАТА
— При жалении можно, братьцы,
Под лопату подопястись!
В. ЧУВЕНКО (г. Запорожье).

Он обаятельный, а мой ответ:
— Что вы! Веда за пятницей —
четверги!
С. ФРОЛОВ (г. Москва)

З О Л А
Ваккалялась ичичева Зола:
— Я стройным топелем была!

М У Х А
Твердила Муха: — Я валичина!
Умеют делать из меня Слона.
В. СМИРНОВ (г. Калинин)

Рисунок В. НЕДОГОНОВА
по теме читателя Ю МИЦКУА
(г. Хабаровск).

— И ЭТО ВСЕ, ЧТО ТЕБЕ УДАЛОСЬ
ВЫГРУБИТЬ ЗА СМЕРТУ!

Рисунок Ю. СОЛННА.

ПИСЬМЕ НАМ ПО АДРЕСУ.

Москва, Б-66, Стартовавская, 3-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ.

Коммутатор Е-170-26.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-16; реклама и публикации — доб. 3-62; международная линия — доб. 3-21; фототехника и спорт — доб. 2-63; сатиры и юмора — доб. 4-78; писем — доб. 2-63; науки и техники — доб. 7-56; информация — Е 4-05-56. Оформление — Е 7-61-32.

Главный редактор А. В. Николаев.

Редакторы: Ю. Н. Варченко, Е. А. Долгановская, С. В. Егоров [огоньственный саргари], В. А. Костров, В. А. Кочетов, Е. И. Рыбичков, В. И. Самохин [заместитель главного редактора], А. Б. Ступов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

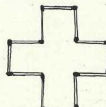
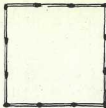
Технический редактор Н. Будникова.

А 00045. Подписано к печати 7/III 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 521.
Литера № 384. Формат бумаги 70х108х1/16.
2 б. л. — 6,48 ц. л.

Ордене Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

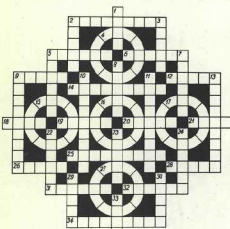
**Задача
со спичками**

Возьмем за единицу длины 1 спичку, а за единицу площади — квадрат со стороной в 1 спичку. С помощью 12 спичек можно построить на плоскости разные многоугольники. Помещая здесь все такие многоугольники: квадрат с площадью, равной 9 кв. единицам, и крест с площадью в 5 кв. единиц. Требуется построить по такому принципу многоугольник с площадью, равной 4 кв. единицам, используя все 12 спичек (спички не должны перекрещиваться).

КРОССВОРД

Составил В. НИКУЛИН,
селем «Подъель»,
Тамбовской области.

По горизонтали:

2. Вид телескопа в Государстве на юге Европы.
3. Троицкий пудр. 4. Камчатский собор. 5. Французский порт, закупил Международной премии мира. 14. Небольшая певчая птица. 18. Зонтичное растение. 19. Азербайджанско-пост-сатирик XIX века. 20. Советский архитектор, академик. 21. Птица, обитающая в хвойных лесах Европы и Азии. 25. Порт в Югославии. 26. Старинный русский музыкальный ударный инструмент. 28. Гора южнее Патагонии. 31. Химический элемент, мягкий металл. 32. Стихотворная форма. 34. Прибор для измерения скорости ветра.

По вертикали:

1. Международная договор, соглашение. 2. Столица Марокко. 3. Река в Грузии. 4. Чешский писатель-демократ. 7. Военизированная.

6. Лубяное растение, культивируемое в СССР. 8. Двухкортное судно. 10. Горный хребет в Азии. 11. Минерал, полукристаллический камень. 13. Радиостанция, передающая сигналы для определения местонахождения кораблей, самолетов. 22. Река на западе Азии. 23. Английский пролетарский поэт XIX века. 24. Река в Сибири, на которую сооружается каскад гидроэлектростанций. 29. Советская автомобильная флотилия. 30. Музыкальный жанр. 33. Союзность народных героических песен, сказаний.

**По кругу
по часовой
стрелке:**

4. Способ изображения предметов на чертеже. 15. Видный деятель русского освободительного движения середины XIX века. 16. Автор оперы «Каменный гость». 17. Народный артист СССР, известный украинский певец. 27. Научное справочное пособие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

4. Момасис. 7. «Аристотель». 10. Барто. 11. Арена. 13. Арена. 17. Медия. 19. Кавказ. 20. Россия. 21. Борнсь. 22. Певель. 23. Авокадо. 24. Ланган. 26. Трисель. 28. Марат. 31. Тамара. 32. Аксуат. 33. Ратификация. 34. Маэра.

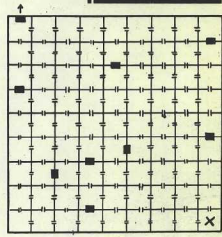
По вертикали:

1. Норвиз. 2. «Мазовиц». 3. Эзрафа. 5. Протон. 6. Стрела. 8. Казаньград. 9. Васильев. 12. Вегетат. 14. Раско. 15. Ниграда. 16. Дантиль. 18. Аркан. 19. Калот. 25. Арабат. 27. «Респис». 28. Каньра. 29. Радина. 30. «Гачинка».

Как найти выход!

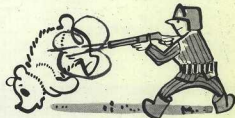
В одном старинном замке имелось специально построенное подполье, состоящее из 81 комнаты. Господы замка, что оно было построено владетельными замка для забавы. Число 81, над которым решено «подспушить», опустили на лифте в комнату отмеченную крестиком, и затем лифт поднимали. На одной из стоек комнаты имелась надпись, из которой можно было узнать, что в подполье 145 дверей. Из них только в 9 дверях были открыты (на рисунке они изображены черными прямоугольниками). Для того, чтобы выйти из подполья, следовало обязательно пройти через эти 9 дверей. Запертая дверь открывалась сама, если она была девяткой по счету. Если же она оказывалась 7-й или 10-й, то открыть ее было невозможно. Исправить свою ошибку и пройти еще 2-3 двери нельзя, так как после прохода ранее открытая дверь закрывалась.

Посмотрите на план этого подполья и попробуйте найти маршрут, благодаря которому можно выбраться из подполья.

Существует старая задача об охотнике, который прошел один километр на юг, затем повернул и прошел один километр на восток, снова повернул, прошел один километр на север и в конце концов очутился в исходной точке. Там он убит медведем. Спрашивается: какой историк ответ был один: блуждал, потому что охотник, очевидно, вышел с Северного полюса. Но не так давно кто-то открыл, что Северный полюс не единственная точка, которая подходит под те же условия. Есть ли на Земле другое такое место, откуда человек может пройти километр на юг, километр на восток, километр на север и очутиться в исходной точке? А может быть, таких точек несколько?

Сколько таких точек на Земле!

Что спросил путешественник!

Один путешественник попал на остров, где жили два племени. Люди одного племени всегда говорили правду, другого — только неправду. Исследователь вышел на равнину, дороги и ему нужно было спросить у проходившего мимо охотничья, какая дорога ведет в деревню. Отличить по внешнему виду животного от правды он не мог. Путешественник задумался, а затем задал только один вопрос. По ответу он узнал, по какой дороге следует идти. Что спросил путешественник?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 5

Математический квадрат

У этой задачи может быть два решения. Оба ответа видны на рисунках.

1	14	15	4
12	7	6	9
8	11	10	5
13	2	3	16

15	10	3	6
4	5	16	9
14	11	2	7
1	8	13	12

Необычайные чайники

Вначале вскипят левый чайник, так как в нем меньше воды, ибо воду выше уровня sinistra налить нельзя.

Сколько треугольников?

В предположенной фигуре насчитывается 20 треугольников.

Литературная головоломка

Если разрешить фигуру так, как показано на рисунке, то из полученных букв можно составить слово «аборис».

Арифмогриф

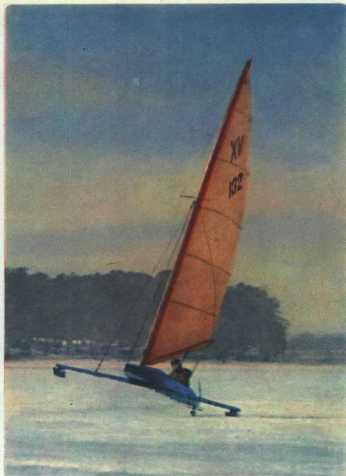
Зашифрованы следующие слова: буриме, еног, ворона, грот, Даву, рондо, Низар, Осло, опуну.

После переписки их получают:
Грот
Фонд
Низар
Буриме
Осно
Еног
Ваву
Опуну
Борон

В итоге получается: Грибцов — «Горо от ума»

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

Льда почти не задевая,
Полетели буера,
Как стремительная стая,
Обогнавшая ветра.

Воздух знобный и сквозной
Рассекает тень косая
И как будто бы срезает
Голубого неба слой.